

Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 3 (31).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 3 (31), 2025.

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Научная статья / Research Article

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)

<https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-3-76-129>

<https://elibrary.ru/QZBOQW>

© 2025. Николай Подосокорский

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия*

Фома Опискин как исторический романист, и его исторический роман о Новгороде в повести Ф.М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели»

© 2025. Nikolay N. Podosokorsky

*A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

Foma Opiskin as a Historical Novelist, and His Historical Novel about Novgorod in Dostoevsky's Story *The Village of Stepanchikovo and Its Inhabitants*

Информация об авторе: Николай Николаевич Подосокорский, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского центра «Ф.М. Достоевский и мировая культура», Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

<https://orcid.org/0000-0001-6310-1579>

E-mail: n.podosokorskiy@mail.ru

Благодарности: Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН при финансовой поддержке Российского научного

фонда (РНФ) в рамках проекта №25-18-00009 «Сочинения, язык и чтение героев зрелого периода творчества Ф.М. Достоевского 1859–1881 годов».

Аннотация: Статья посвящена одному из главных героев произведения Ф.М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» (1859) — приживальщику-шуту и домашнему тирану Фоме Фомичу Опискину как историческому романисту второй трети XIX века, и нереализованному замыслу его романа о древнем Новгороде VII столетия, для которого герой успел написать лишь «начало». Ранее эта сторона жизни героя не становилась предметом специальных научных исследований. Предпринята попытка реконструировать, насколько это возможно, содержание последнего романа Опискина, о котором практически ничего неизвестно, исходя из текста всей повести, литературных интересов Фомы Фомича и представлений российских авторов XVII – первой половины XIX веков о том, как вообще появился Великий Новгород, и что происходило на его месте до призвания варягов в 862 году, то есть до начала правления на Руси династии Рюриковичей. Особое внимание уделено влиянию на Опискина таких произведений Н.М. Карамзина, как «Фрол Силин», «Марфа Посадница, или Покорение Новгорода», «История государства Российского». Доказывается, что Опискин не только был внимательным читателем этих карамзинских сочинений, но и следовал им практически в своей жизни. Также подробно анализируется лаконичное и крайне субъективное свидетельство рассказчика (автора «Записок неизвестного») о первом историческом романе Фомы Фомича, написанном в Москве примерно в 1830-х годах. В контексте произведения Достоевского и судьбы Опискина рассматриваются реальные исторические романы М.Н. Загоскина, А.И. Чуровского, И.Н. Глухарева, на которые якобы был «весьма похож» первый роман Фомы Фомича. Также анализируется образ «Ноева ковчега», с которым в самом начале «Села Степанчикова...» сравнивается дом отставного гусарского полковника Ростанева после того, как в нем поселился Фома Фомич.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, «Село Степанчиково и его обитатели», Фома Опискин, Великий Новгород, новгородские сказания, исторические предания, исторический роман XIX века, Н.М. Карамзин, книга в книге, «Сказание о Словене и Русе», Буриной, Гостомысл, «История государства Российского», Иоакимовская летопись, В.Н. Татищев, А.Я. Артынов, «Фрол Силин», М.Н. Загоскин, Ноев ковчег.

Для цитирования: Подосокорский Н.Н. Фома Опискин как исторический романист, и его исторический роман о Новгороде в повести Ф.М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 3 (31). С. 76–129. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-3-76-129>

Information about the author: Nikolay N. Podosokorsky, PhD in Philology, Senior Researcher, Research Centre “Dostoevsky and World Culture,” A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

<https://orcid.org/0000-0001-6310-1579>

E-mail: n.podosokorskiy@mail.ru

Acknowledgements: The research was carried out at IWL RAS with a grant from the Russian Science Foundation, project no. 25-18-00009 “Characters’ Writings, Languages, and Readings in Dostoevsky’s Mature Works (1859–1881).”

Abstract: The article is devoted to one of the main characters of Dostoevsky’s work *The Village of Stepanchikovo and Its Inhabitants* (1859), the jester and domestic tyrant Foma Fomich Opiskin, presented as a historical novelist of the second third of the 19th century, and the unrealized idea of his novel about seventh-century ancient Novgorod, of which the hero managed to write only the “beginning.” This side of the character’s life has not yet been the focus of specific research. An attempt is made to reconstruct, as far as possible, the content of Opiskin’s last novel—about which practically nothing is known—based on the text of the entire story, the literary interests of Foma Fomich and the ideas of Russian authors of the 17th to the first half of the 20th centuries about how Veliky Novgorod emerged and what existed there before the calling of the Varangians in 862, that is, before the beginning of the Rurik dynasty’s rule in Russia. Special attention is paid to the influence on Opiskin of works by Nikolay Karamzin such as *Frol Silin*, *Marfa Posadnitsa*, or *the Conquest of Novogorod*, *The History of the Russian State*. It is demonstrated that Opiskin was not only an attentive reader of Karamzin but also used his writings as a practical guidance in his life. The laconic and extremely subjective testimony of the narrator (the author of *Notes of the Unknown*) about the first historical novel by Foma Fomich, written in Moscow around the 1830s, is also analyzed in detail. In the context of Dostoevsky’s work and Opiskin’s fate, the real historical novels of M.N. Zagoskin, A.I. Churovsky, and I.N. Glukharev are examined, as they were allegedly “very similar” to the first novel by Foma Fomich. The image of “Noah’s Ark” is also analyzed, in which, at the very beginning of *The Village of Stepanchikovo*, the house of retired Hussar Colonel Rostanev is compared after Foma Fomich moves in.

Keywords: Dostoevsky, *The Village of Stepanchikovo and Its Inhabitants*, Foma Opiskin, Veliky Novgorod, Novgorod legends, historical legends, historical novel of the 19th century, Karamzin, book in a book, *The Legend of Slovenia and Rus*, Burivoy, Gostomysl, *History of the Russian State*, Joachim Chronicle, V.N. Tatishchev, A.Ya. Artynov, *Frol Silin*, M.N. Zagoskin, Noah’s Ark.

For citation: Podosokorsky, N.N. “Foma Opiskin as a Historical Novelist, and His Historical Novel about Novgorod in Dostoevsky’s Story *The Village of Stepanchikovo and Its Inhabitants*.” *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 3 (31), 2025, pp. 76–129. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-3-76-129>

Самозванный проповедник-лицемер и домашний приживальщик-тиран Фома Фомич Опискин из повести «Село Степанчиково и его обитатели» (1859) занимает свое неотъемлемое и во многом уникальное место в длинном ряду героев-сочинителей Ф.М. Достоевского. Фома «сильно участвовал» в составлении «хвалебных надписей уму, талантам, благородству души, орденам» усопшего генерала Крахоткина, размещенных на мавзолее из белого мрамора в разоренном селе Князьёвке [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 9]. В Степанчикове он любит говорить с окружающими о литературе

в назидательном и обличающем современные нравы ключе, насильно учит крепостных французскому языку, поэзии и разным «наукам» (в повести в связи с Фомой упоминаются астрономия, математика, сельскохозяйственные науки и др.), периодически уединяется к себе для написания неких «сочинений», и в его кабинете находится «большой стол, покрытый красным сукном, весь заложённый книгами и рукописями» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 130].

Фома Фомич заставляет полковника Ростанева «тратить ежегодно большие деньги» на выписку современных книг и журналов в Степанчиково [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 130]. И хотя, по словам недоброжелательно настроенного к Опискину рассказчика, «многие из них оставались даже неразрезанными» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 130], это может говорить не столько о равнодушии или лени Фомы к их реальному освоению, сколько об их обилии и его предусмотрительности, поскольку нередко библиофилы запасаются чтением на много лет вперед, вовсе не прочитывая все свои книжные приобретения немедленно, ибо это зачастую даже физически невозможно. Чтобы в полной мере походить на авторитетного ученого и выдающегося литератора Фома Фомич даже завел себе собственного «секретаря» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 103] — несчастного лакея-стихоплета Григория, сборник стихов которого под названием «Вопли Видоплясова» должно было предварять написанное Фомой «предисловие» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 104]. А слуга Гаврила обязан охранять кабинет Фомы от всякого докучного посетителя, когда «учёный человек» вдруг сядет сочинять книжку [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 75].

Опискин любит демонстрировать публике свою начитанность (собственно первая роль, в которой он появляется в тексте повести — это «чтец» у генерала Крахоткина [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 7]) и эрудицию — он с одинаковой страстью восторгается или, наоборот, яростно критикует писателей и поэтов (Ф. Петрарку, У. Шекспира, Н.М. Карамзина, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.А. Полевого, И.П. Бороздну, Н.В. Гоголя и др.), философов (Диогена Синопского, Никколо Макиавелли), исторических деятелей (Александра Македонского, Юлия Цезаря) и прочих, порой даже сравнивая себя с ними, их творениями или поступками. Круг его интересов весьма широк, и рассказчик не один раз заставлял Фому за чтением флигельного Поля де Кока, «которого он прятал при людях куда-нибудь подальше» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 130]. Гово-

ря о своем «узелке» (а в такого рода «узелках», как мы знаем из слов Рогожина в романе «Идиот», нередко заключается «вся суть» их носителей [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 7]), с которым он якобы собирается покинуть Степанчиково, Фома особенно отмечает, что «он не велик: несколько любимых книг, две перемены белья — и только!» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 136], при этом сам Фома отнюдь не считает одну только книжную начитанность признаком просвещенности, и немедленно выражает свое презрение, когда ему встречается «какой-нибудь современный осел, навьюченный книгами», в котором *нет души и сердца* [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 90]. Тем не менее, колоссальное увлечение Опискина самой разнообразной литературой, как книжной, так и журнальной (а в толстых литературных журналах того времени вроде «Отечественных записок», которые специально упоминает Егор Ильич Ростанев, много внимания уделялось не только художественной словесности, но также общественной жизни и наукам [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 135]), несомненно, хотя и подано повествователем в нарочито сниженном, пародийном ключе.

Описывая рабочий кабинет и оценивая литературное наследие Фомы Фомича, рассказчик и здесь не может удержаться от собственных ругательных замечаний:

Прекрасная бронзовая чернильница и куча перьев, которыми заведовал Видоплясов, — всё это вместе должно было свидетельствовать о **тугих умственных работах**¹ Фомы Фомича. Скажу здесь кстати, что Фома, просидев здесь почти восемь лет, **ровно ничего не сочинил путного**. Впоследствии, когда он отошел в лучшую жизнь, мы разбирали оставшиеся после него рукописи; **все они оказались необыкновенною дрянью**². Нашли, например, начало исторического романа, происходившего в Новгороде, в VII столетии; потом **чудовищную поэму**: «Анахорет на кладбище», писанную белыми стихами; потом **бессмысленное рассуждение** о значении и свой-

¹ В приводимых цитатах выделение обычным курсивом принадлежит автору цитаты, выделение полужирным — автору настоящей статьи.

² При этом рассказчик в другом месте сообщает, что вещи Фомы после его смерти «сберегаются как драгоценность» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 165]. Вообще Сергей Александрович сам признается в своих «Записках...», что был склонен по молодости все нарочно преувеличивать в своих суждениях (см., например: [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 108]).

стве русского мужика и о том, как надо с ним обращаться, и, наконец, повесть «Графиня Влонская», из великосветской жизни, тоже неоконченную. Больше ничего не осталось [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 130].

Здесь закономерно встает вопрос: насколько мы можем доверять такого рода уничижительной оценке трудов Фомы Фомича, который при всем его «грязном невежестве» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 8] был «тоже в своем роде каким-то поэтом» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 94]? С одной стороны, «Записки неизвестного» (такой подзаголовок имеет название повести) — это вообще единственный наш источник сведений о «великом человеке» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 91, 130] Опискине³, поэтому все, что мы знаем о Фоме, мы знаем исключительно из слов рассказчика и, что особенно важно, из цитируемой им речи самого Фомы. С другой же стороны, сами эти «Записки...» написаны не вполне «неизвестным», но юным двадцатидвухлетним племянником отставного гусарского полковника Ростанева, «Сергеем Александровичем таким-то» (впрочем, фамилии его мы, действительно, не знаем) [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 23], личностью, на тот момент отнюдь не отличающейся взвешенными оценками, жизненной опытностью и твердостью характера, хотя сами «Записки...», очевидно, были в окончательном виде закончены им спустя много лет после основной истории, развернувшейся в «Селе Степанчикове...» во время его приезда туда по приглашению дяди. Рассказчик сам говорит о себе, что «по молодости лет и от нечего делать» он «начал гореть желанием как можно скорее наделать разных чудес и подвигов» и, в частности, «вразумить и утешить» своего дядю [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 19]. Сергей заверяет помещика Степана Бахчеева, что он вовсе «не из таких», кто без позволения записывает и затем обнародует чужие

³ Происхождение Фомы Опискина не вполне ясно: «Откуда он взялся — покрыто мраком неизвестности» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 7], тем не менее, он, по всей видимости, одно время находился на государственной или частной службе, окончившейся для него неудачно: «Говорили, во-первых, что он когда-то и где-то служил, где-то пострадал и уж, разумеется, “за правду”» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 7]. По словам Бахчеева, «где-то там пострадал» Фома «в сорок не в нашем году», причем у него «и чинишка-то нет» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 27]. Сам Опискин говорит про себя крестьянам, что одно время «у министра служил» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 16], но, учитывая контекст соответствующей беседы, это не может не вызывать некоторых сомнений.

слова, сказанные в частной беседе [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 28], но, поскольку их беседа все же оказалась записанной и опубликованной, то можно признать, что опасения Бахчиева не были беспочвенными. Из собственного рассказа Сергея Александровича мы знаем, что он может специально подслушивать чужие разговоры, обсуждать с малознакомым человеком похищение богатой девицы, пытаться высмеять своего дядю-благодетеля, чтобы на его фоне самому выглядеть не так смешно и нелепо и т. п. Иными словами, племянник Ростанева не столь уж сильно отличается своими достоинствами от тех, кого он поначалу сам осуждает, критикует и высмеивает.

В этой статье мы попытаемся, насколько это возможно, реконструировать один из литературных замыслов Фомы Фомича Опискина, известный как «начало исторического романа, происходившего в Новгороде, в VII столетии». Прежде всего, необходимо заметить, что сама тема древнего Новгорода, до его превращения в один из провинциальных городов общерусского государства, по-видимому, вызывала у Фомы Фомича особый интерес. Так, он специально упоминает историческую повесть Н.М. Карамзина «Марфа-Посадница, или Покорение Новгорода» (1803), посвященную упразднению Новгородской республики и окончательному присоединению ее к Московскому государству в 1470-е годы, хотя, по признанию Опискина, лично он «уважает бессмертного Карамзина» вовсе не за такие сочинения, и не за его «историю»⁴ (в которой, как известно, также немало места было уделено описанию древнего Новгорода) [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 69].

О том, что Фома ориентируется не только на произведения эпохи Карамзина, но и на современную литературу, говорит сам герой: «Давеча, например, я выказал ум, талант, колоссальную начитанность, знание сердца человеческого, знание современных литератур <...>» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 90]. Внимательное знакомство Фомы Фомича на разных этапах его жизни с современными произведениями подтверждает и заключение Сергея Александровича о прошлом Опискина, когда тот написал целостный исторический роман в духе историко-нравоучительной прозы 1830-х годов. Причем отсутствие заметного успеха у тогдашнего со-

⁴ О значении для жизни и творчества Достоевского «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина см.: [Подосокорский, 2024а].

чинения Фомы Фомича племянник Ростанева склонен расценивать как одну из причин последующей гибели Опискина от «огорчения» и «не признания»:

Он был когда-то литератором и был огорчен и не признан; а литература способна загубить и не одного Фому Фомича — разумеется, непризнанная. Не знаю, но надо полагать, что Фоме Фомичу не удалось еще и прежде литературы; может быть, и на других карьерах он получал одни только щелчки вместо жалованья или что-нибудь еще того хуже. Это мне, впрочем, неизвестно; но я впоследствии справлялся и наверно знаю, что Фома действительно сотворил когда-то в Москве романчик, весьма похожий на те, которые стряпались там в тридцатых годах ежегодно десятками, вроде различных «Освобождений Москвы», «Атаманов Бурь», «Сыновей любви, или Русских в 1104-м году» и проч. и проч., романов, доставлявших в свое время приятную пищу для остроумия барона Брамбеуса. Это было, конечно, давно; но змея литературного самолюбия жалит иногда глубоко и неизлечимо, особенно людей ничтожных и глуповатых. Фома Фомич был огорчен с первого литературного шага и тогда же **окончательно примкнул к той огромной фаланге огорченных**⁵, из которой выходят потом все юродивые, все скитальцы и странники [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 12].

Сергей Александрович здесь намеренно искажает подлинные названия действительных, но очень разных (!) произведений, считая их все «весьма похожими», хотя это и не мешает определить, что он конкретно имеет в виду. Комментаторы Полного собрания сочинений (ПСС) Достоевского уже установили, что максимально похожими на названные сочинения являются романы «Атаман Бурия, или Вольница Заволжская» (1835) А.И. Чуровского и «Князь Пожарский и нижегородский гражданин Минин, или Освобождение Москвы в 1612 году» (1840) И.Н. Глухарева. Относительного же последнего

⁵ С этим жестким вердиктом из вступления не согласуется финал «Записок...». Кроме того, сам Фома Фомич отнюдь не кажется сломленным своей первой литературной неудачей и грозит, что снова отправится в Москву издавать свой журнал и выступать перед огромной аудиторией: «Посмотрю, устрою вас всех, покажу, научу и тогда прощайте: в Москву, издавать журнал! Тридцать тысяч человек будут собираться на мои лекции ежемесячно. Грянет наконец мое имя, и тогда — горе врагам моим!» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 12–13].

именования романа из описания Сергея Александровича комментаторы ПСС отмечают: «Третье из комментируемых названий, очевидно, имеет пародийный характер (“Русские в ... году” — обычный подзаголовок исторических романов 1830–1840-х гг., восходящий к “Юрию Милославскому” М.Н. Загоскина)» [Достоевский, 2013–, т. 3, с. 587]. Однако если поверить рассказчику на слово и говорить именно о 1830-х годах, то из вышедших в этот период исторических романов нам известен только один (!) роман с похожим названием «Русские в <...> году», а именно «Рославлев, или Русские в 1812 году» (1831) того же М.Н. Загоскина, поскольку прежний его роман «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» вышел все же не в 1830-е годы, а в конце 1820-х годов. Мы убеждены, что если только у исследователя творчества Достоевского нет **самых весомых оснований** не доверять словам литературного героя, то всегда предпочтительнее все же исходить из того, что они более-менее точны, и что это не герой ошибается, но просто исследователь не вполне понимает, о чем, действительно, в данном случае идет речь и в каком контексте необходимо рассматривать обнаруженную «ошибку»⁶.

Итак, мы знаем, что «начало» исторического романа о Новгороде было отнюдь не первым литературным опытом Опискина в этом жанре, и что в молодые годы он, поддавшись всеобщей моде⁷, уже создал и, по всей видимости, опубликовал (однако его творение не получило признания критиков и читателей) другой исторический роман на тему русской истории, «весьма похожий», по словам его

⁶ Такой подход уже позволил нам исправить комментарий в академическом ПСС относительно подлинного названия книги, которую читает Парфен Рогожин в «Идиоте» [Подосокорский, 2024в, с. 72–76], и объяснить казавшиеся «ошибкой» слова Павла Смердякова о Наполеоне I как «отце» Наполеона III в «Братьях Карамазовых» [Подосокорский, 2024б, с. 174–175].

⁷ Исследователи истории русского исторического романа XIX века выделяют в ней две волны: первая пришлась на 1830-е – 1840-е годы, вторая — на 1870-е – 1880-е годы [Пенская, 2012, с. 422]. Фома создает свой первый исторический роман в начале первой волны, следуя за господствующим в литературе того времени трендом. Как подсчитал Д. Ребеккини, в период с 1831 по 1839 год «в России вышло в свет 93 отечественных исторических романа — больше половины всей романной продукции того периода (159 названий)» [Ребеккини, 1998, с. 419]. Именно в этот период, по мнению А.Ю. Сорочана, русский исторический роман из «низкого» жанра становится «центром литературного процесса» [Сорочан, 2000, с. 3]. Подобные литературные предприятия могли принести и немалый доход: изданный в виде книги исторический роман в то время обычно продавался за «15–17 рублей ассигнациями, что составляло примерно треть среднего чиновничьего жалованья» [Пенская, 2012, с. 423].

недоброжелателя, на те исторические романы, которые массово выходили в николаевской России в 1830-е годы. По всей видимости, сотворенный Фомой в Москве «романчик» состоял из нескольких частей, что было свойственно подобным сочинениям тех лет [Ребеккини, 1998, с. 417]. Как подсчитал Дамиано Ребеккини, «средний объем исторического романа 1830-х гг. составлял более 500 страниц, а иногда доходил до 1600» [Ребеккини, 1998, с. 418], то есть и сочинение Опискина, скорее всего, было более-менее объемным.

Огромный интерес российской читающей публики второй четверти XIX века к историческим романам (не только к отечественным, но и к переводным) мог быть обусловлен и общим культом истории, охватившим тогда все общество (этому немало способствовали вышедшие в 1820-х годах завершающие тома «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина и многочисленные переводы исторических романов Вальтера Скотта [Петров, 1984, с. 37]). Критик В.Г. Белинский писал в своей рецензии 1842 года на «Руководство к всеобщей истории» Фридриха Лоренца:

Век наш — по преимуществу *исторический* век. Историческое *созерцание* могущественно и неотразимо проникло собою все сферы современного сознания. История сделалась теперь как бы общим основанием и единственным условием всякого живого знания: без нее стало невозможно постижение ни искусства, ни философии. Мало того: само искусство теперь сделалось по преимуществу историческим: исторический роман и историческая драма интересуют теперь всех и каждого больше, чем произведения в том же роде, принадлежащие к сфере чистого вымысла. Люди ограниченные никак не могут примирить, в своем сухом и узком понятии, свободного вымысла фантазии с историческою действительностью, — и некоторые из них, с свойственным невежеству простодушием, громко, во всеуслышание, издеваются над историческим романом, как над нелепостью, которая оскорбляет здравый смысл и помрачает славу гения шотландского романиста: в слепоте своей эти жалкие умники не видят, что всё величие гения Вальтера Скотта именно в том и состоит, что он был органом и провозвестником века, давши искусству историческое направление [Белинский, 1953–1959, т. 6, с. 90].

Отметим, что в эпоху формирования Фомы как исторического романиста в России также вышло немало исторических романов

о Новгороде, откуда он мог почерпнуть (необязательно для их повторения, но, возможно, для их художественной трансформации) какие-то идеи, выражения, черты героев, повороты сюжета, элементы структуры и проч. для своего *будущего* романа. Согласно «Библиографическому указателю» Ребеккини [Ребеккини, 1998], можно выделить следующие русские исторические романы 1830-х годов, уже в названии которых содержится обращение к прошлому древнего Новгорода: «Василий Делинский, или Новгородцы в XIV столетии» в 2 частях (1833) С. Ш., «Падение Великого Новгорода. Исторический роман XV века, из княжения Иоанна Васильевича III Великого» в 4 частях (1833) С.М. Любецкого, «Михаил новгородский, или Нарушенная клятва. Российско-исторический роман» в 3 частях (1837) Н.И. Зряхова, «Вечевой колокол. Русский роман XV столетия» в 3 частях (1839). Новгородская тематика в той или иной мере присутствовала и в некоторых других исторических романах, названия которых о ней напрямую не сообщали. Одним из таких был роман Н.А. Полевого «Клятва при гробе Господнем» (1832), слова из предисловия которого цитирует Фома Опискин, когда говорит: «Я знаю Русь, и Русь меня знает <...>» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 68], то есть данное произведение, герои которого являются «полемическим образным ответом на концепцию русского средневековья Н.М. Карамзина» [Семенкин, 2016, с. 7], также входило в круг чтения Фомы Фомича. В этой «Русской были XV века» (подзаголовок романа Полевого), в числе прочего, воспевается древний баснословный Новгород:

Говорят: каменную стеною в три ряда обнесен тогда был Новгород, а Волга текла под его стенами, и по Волхову был ход до Океана полунощного. По Волге возили в Новгород золото, серебро и узорочье восточное; по морю, с Запада, привозили вина и коренья волошские; с Полуночи корабли приходили в Новгород с мехами пермскими, а с Полудня приезжали в него купцы греческие. Через самый Новгород надобно было ехать три дня борзою, конскою выстутью; в Софийском соборе помещалось народу по двадцати по две тысячи; воеводы и посадники подбивали подковы коней золотом, кормили коней шафраном эфиопским, и выводили в поле воинства по сто тысяч конного, да по двести пешего. Ну! правда не правда — не знаю, а так сказывают [Полевой, 1832, ч. 2, с. 232–233].

К новгородской древности обращается в своих исторических романах «Кощей Бессмертный. Былина старого времени» (1833) и «Светославич, вражий питомец. Диво времен Красного Солнца Владимира» (1835) А.Ф. Вельтман. В первом из них автор дополняет новгородскую историю, основываясь на известном только ему *предании*: «Рассмотрев все летописи, простые и *харатейные*, все древние сказания и ржавые *Ядра Истории*, я не нашел в них ни слова о событии, которое предаю потомству. Это упущение особенно должно лежать на душе Новгородского летописца. Верно какая-нибудь личность с кем-нибудь из рода Пута-Заревых! Но оставим изыскания. — Читатель не может сомневаться в справедливости предания и слов моих» [Вельтман, 1833, ч. 1, с. 55–56]. Во втором романе, посвященном эпохе князя Владимира Святославича, прозванного Красное Солнце, Вельтман в частности описывает древний языческий храм бога Волоса в Новгороде, созданный исключительно его собственной авторской фантазией:

Храм Волоса не представлял ничего роскошного снаружи: это было огромное четвероугольное здание, построенное из столетних дубов, почерневших от времени и обросших мохом; крутая крыша походила на темный луг; вокруг здания были двойные сени с навесами, верхние и нижние. Под самой кровлей были волоковые продолговатые окны, сквозь которые, с верхних сеней, дозволялось женщинам смотреть на совершение обрядов во внутренности храма; ибо женщины не имели права входить в оный. За храмом был пруд, осененный высокими липами, а за прудом палаты Владыки с горницами и выходами и избы жрецов и слуг хоромных. Не красуясь наружностью, храм Новгородский славился богатством от взносов и от доходов *волостных*. Никто не помнил, когда его построили. Носилось поверье, что это тот же самый храм, который построен финнами и про который *колдунья* финская пророчила, что это «последний храм *болвана* и другого уже не будет — и сгинет вера в болванство, когда кровля божницы обратится в тучное пастбище, а с восточной стороны выпадет бревно» [Вельтман, 1835, ч. 1, с. 46–48].

Произведения Вельтмана, которого еще В.Ф. Переверзев назвал «предтечей Достоевского» (см.: его одноименную статью «Предтеча Достоевского» в книге 1937 года [Переверзев, 1937, с. 78–144]), мог-

ли дать Фоме Опискину немало оригинальных литературных приемов для художественного «воссоздания» новгородской старины.

Наряду с *романами* можно также выделить исторические *драмы* о Новгороде 1830-х и 1840-х годов. Например, в 1830 году была опубликована «Марфа, Посадница Новгородская. Трагедия в пяти действиях в стихах» М.П. Погодина. В предисловии «От издателя» к этому сочинению Погодин выражает сильное опасение в связи вероятным неуспехом выносимой на суд публики трагедии (а именно подобного рода литературным неуспехом рассказчик «Села Степанчикова...» объясняет дальнейшее крушение всей судьбы Фомы Фомича):

Сочинитель этой трагедии, трудясь и имея цель на другом поприще, не драматическом, не может судить с вероятностию о произведении в новом для себя роде, не верит своим друзьям, которые, разумеется, смотрят на него с пристрастием, а с другой стороны, стыдится представить публике сочинение, совершенно недостойное ее внимания. **Вот причина, почему он хочет теперь остаться неизвестным**⁸. — Если из голоса критики он узнает, что недостатки его трагедии выкупаются сколько-нибудь ее достоинствами и он уделит время для нее от занятий, составляющих сущность его жизни, не напрасно, то объявит свое имя; в противном же случае отложит ее спокойно к числу неудавшихся опытов [Погодин, 2015, с. 7].

В 1844 году в журнале «Репертуар и пантеон» вышла пьеса В.Р. Зотова «Новгородцы», действие которой происходит в последних годах XIV столетия (указание более-менее точного времени действия обязательно для произведений такого жанра). На фоне изображения мечущегося от безумной страсти к красавице-немке юноши Ростислава, сына новгородского посадника, и буйства его друзей, готовых на любую преступную авантюру, в пьесе описываются новгородские порядки (показан экстренный созыв городского веча, описаны проблемные отношения Новгорода с соседями и проч.) и дикие нравы, сочетающие показную набожность и одновременно готовность попать любые земные и божественные установления. Ганзейский купец из Любека Тобиас Андерсон, в дочь которого Элли

⁸ Возможно, эта же причина побуждает «остаться неизвестным» и автора «Записок неизвестного» о селе Степанчикове и его обитателях.

неистово влюбился Ростислав, решившийся с другими новгородскими молодцами выкрасть ее у отца, замечает:

Новгородцы буйны — их ничем
Нельзя остановить в порывах страсти!
[Зотов, 1844, с. 373].

В финале пьесы тот же немец Андерсон добавляет:

Я не забуду вас, новгородцы!
Вы пылки, буйны, но великодушны!
[Зотов, 1844, с. 407].

Достоевский, несомненно, читал журнал «Репертуар и пантеон» тех лет, ибо именно в нем, в том же в 1844 году, вышел сделанный им перевод романа О. де Бальзака «Евгения Гранде». Подобные произведения о Новгороде поэтому можно рассматривать и как вероятное чтение поначалу *буйного*, но впоследствии *великодушного* Фомы Фомича, который при работе над своим историческим романом о Новгороде не мог не изучить уже имеющиеся образцы и вообще проявлял большой интерес к современным литературным журналам.

Если о первом «романчике» Опискина мы знаем только точное место его создания (Москва), весьма приблизительное время написания и публикации (1830-е годы), особенности жанра (исторический роман) и похожие на него произведения, то о начале другого его исторического романа мы, наоборот, знаем лишь самую общую тематику и время основного действия (Новгород, VII столетие), а также уничижительную оценку его содержания, данную Сергеем Александровичем. Сам факт обращения Фомы Фомича к глубокой новгородской древности говорит, скорее, о его широкой творческой свободе, чем о слепой приверженности официальной точки зрения на историю. Мало того, что на протяжении конца XVIII и всего XIX века образ средневекового Новгорода использовался многими поэтами, прозаиками, драматургами, публицистами «в качестве метафоры свободы» [Абраменко, 2017, с. 19], так еще и обращение к дорюриковскому периоду русской истории могло быть расценено как своего рода вызов общепринятой тенденции рассматривать именно призвание варягов в 862 году в качестве начала российской государственности. В том же 127 томе «Отечественных записок»,

где впервые была опубликована повесть «Село Степанчиково и его обитатели», приводится поучительный рассказ о том, как при Екатерине II была в 1793 году запрещена пьеса Я.Б. Княжнина «Вадим Новгородский» о сопротивлении новгородцев тирании варяжского князя Рюрика — эта трагедия «показалась ее величеству даже более опасною, нежели сочинение Радищева» [Отечественные записки, 1859, с. 306]⁹. Разумеется, Фома, если исходить из того, что мы о нем знаем, вряд ли проявил в своем произведении особого рода политическую смелость, характерную для Радищева и Княжнина, однако же он был не совсем чужд и политических рассуждений (Ростанев, к примеру, говорит про него: «Кажется, о производительных силах каких-то пишет — сам говорил. Это, верно, что-нибудь из политики» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 15]), а выбранное им экстравагантное время действия для своего произведения уже само по себе вступало в конфликт с господствующим монархическим мифом, согласно которому Новгород воспринимался, как «преклонный древле к мятежам» [Херасков, 1800, с. 5].

Так получилось, что абсолютно все предыдущие комментаторы «Села Степанчикова...», полностью доверившись оценке автора «Записок неизвестного», подчеркивали несуразность литературного замысла Фомы Фомича о Новгороде. В комментарии к третьему тому Полного собрания сочинений Достоевского в 30 томах читаем, что данная повествователем «характеристика романа указывает на его псевдоисторический характер, так как Новгород основан в IX в.» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 514]. Во втором издании Полного собрания сочинений Достоевского в 35 томах этот комментарий практически повторен, разве что немного уточнено объяснение того, почему «характеристика романа указывает на его псевдоисторический характер», — «так как Новгород известен с 859 г.» [Достоев-

⁹ О восстании новгородцев при Рюрике и об убийстве Рюриком лидера восставших Вадима Храброго упоминается в Никоновской летописи XVI века [Русская летопись по Никонову списку, 1767, с. 16]. Образ Вадима Храброго как борца с тиранией во имя свободы или, наоборот, неразумного бунтовщика против священной монархии и законной власти отразился и получил развитие, помимо трагедии Княжнина, и во многих других произведениях русских литераторов последней трети XVIII — первой трети XIX века: Екатерины II, В.А. Жуковского, П.А. Плавильщикова, А.С. Пушкина, К.Ф. Рылеева, А.С. Хомякова, М.Ю. Лермонтова и др. Особое место легенда о Вадиме Новгородском как символе сопротивления деспотии занимает в сочинениях декабристов. О том как его образ разрабатывала русская литература XVIII–XIX веков см.: [Рукавичникова, 2001, с. 54–121].

ский, 2013–, т. 3, с. 603]. В новейшем комментарии к этой повести, подготовленном Б.Н. Тихомировым, также по сути воспроизводится объяснение ПСС: «В исторической науке датой основания Новгорода считается 859 г. — середина IX в. Уже один этот факт заставляет отнести опус Фома к псевдоисторической литературе» [Тихомиров, 2024а, с. 422–423].

Между тем упомянутые выше комментаторы совершенно игнорируют тот факт, что Фома Фомич создавал вовсе не научный исторический труд, но исторический роман, в котором уже в силу самого жанра подразумевается гораздо больший простор для раскрытия фантазии автора. А.С. Пушкин в отклике на исторический роман М.Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» дал очень четкое определение на сей счет: «В наше время под словом роман разумею историческую эпоху, развитую в вымышленном повествовании» [Пушкин, 1977–1979, т. 7, с. 72]. Сам Загоскин в предисловии к другому своему историческому роману «Рославлев, или Русские в 1812 году» также просил читателей «не забывать, что исторический роман — не история, а выдумка, основанная на истинном происшествии¹⁰» [Загоскин, 1987, т. 1, с. 287].

Более того, никак нельзя судить об историчности или псевдоисторичности сочинений прошлых веков, исходя исключительно из представлений современной истории и игнорируя те исторические труды, из которых, главным образом, черпал свое вдохновение рассматриваемый автор, сколь бы фантастическими и нелепыми содержащиеся в них утверждения ни казались, на первый взгляд, из дня сегодняшнего (о том, как Достоевский в целом воспринимал историю, и какую роль она играет в его художественных произведениях, см.: [Подосоковский, 2025]). Фома Фомич Опискин, как мы покажем далее, мог опираться на множество исторических работ и литератур-

¹⁰ При этом зачастую в историческом романе некое «истинное происшествие» может быть волею автора помещено в другой момент времени. Например, Загоскин поясняет в этом же романе: «Тем, которые в русском *молчаливом офицере* узнают историческое лицо тогдашнего времени — я признаюсь заранее в небольшом анахронизме: этот офицер действительно был, под именем флорентийского купца, в Данциге, но не в конце осады, а при начале оной» [Загоскин, 1987, т. 1, с. 288]. Понятно, что если в романах, описывающих совсем недавнюю историю, сдвиг по времени в художественных целях может составлять несколько месяцев (как в упомянутом случае Загоскина) или лет, то в романе, герои которого живут более тысячи двухсот лет назад, момент «истинного происшествия» может быть перенесен и из одного столетия в другое.

ных памятников XVII–XIX веков, в которых писалось о Новгороде, уже существовавшем, как минимум, с V–VI веков (в первой четверти XIX века это время считалось едва ли не консенсусной датой появления Новгорода), и многими поколениями высокообразованных людей такой факт воспринимался как вполне обоснованное и даже научное знание. Приведем соответствующие примеры.

Прежде всего, заметим, что уже в наиболее ранней, известной и авторитетной из сохранившихся в полном объеме русских летописей, т. н. «Повести временных лет» или Несторовой летописи (считается, что она была создана в Киеве в 1110-х годах), рассказывающей «откуда есть пошла Русская земля», сообщается о том, что святой апостол Андрей Первозванный, проповедуя христианскую веру, взошел на горы на берегу Днепра и, поставив на них крест, предрек основание на них в будущем *великого города* (Киева), а затем пришел к славянам, *где ныне стоит Новгород*, и уже увидел там живущих людей. Особенно поразили апостола славянские деревянные бани — они произвели на него столь большое впечатление, что он рассказал об увиденном им «диве» в Риме [Летопись Несторова, 1824, с. 4–5]. Однако различными подробностями эта легендарная история «новгородцев» до окончательного закрепления за их поселением имени Новгорода обросла в сохранившихся *письменных источниках* только в раннее Новое время.

В историческом сочинении первой трети XVII века¹¹ «Сказание [или «Повесть» — *Н.П.*] о Словене и Русе и городе Словенске» (другие варианты его названия: «Написание о зачале в Славенорустей земли первоначального Великого Новаграда», «История о зачале Руския земли и создании Новаграда», «Начало Словенску, еже есть Великий Новград именуется» и др.), имеющем новгородское происхождение и широко известном в России XVII–XIX веков («Сказание...» вошло в Патриарший летописный свод 1652 года и позднее воспроизводилось в многочисленных списках и цитировалось

¹¹ Такова современная датировка этого новгородского памятника. Как отмечает А.В. Доронин: «Сказание, — не сознательная мистификация или неудачный опыт бездарного “враля”, а глубоко осмысленный в политических коллизиях начала XVII в. первый краткий москворусский план-проспект ее древней истории — матрица, по которой предполагалось отныне встраивать московскую русь в новую Европу от ее (общего для всех населяющих эту часть света народов) начала» [Доронин, 2022, с. 129]. С.Н. Азбелев полагает, что текст «Сказания...» был создан с использованием народных преданий [Азбелев, 2016, с. 100].

в самых разных изданиях [Богданов, 2019, с. 256–257]), приводятся легендарные сведения относительно возникновения Великого Словенска (который впоследствии якобы и стал Новгородом) спустя 327 лет после библейского разделения языков [Доронин, 2022, с. 130]. Таким образом, по замыслу авторов «Сказания...», Словенск (Новгород) существовал уже в IV тысячелетии от сотворения мира, а в Патриаршем варианте сообщается, что Словенск «значительно старше Рима» [Емельяненко, 2023, с. 113]. Согласно «Сказанию...», новгородцы происходят от Афета (Иафета), сына ветхозаветного патриарха Ноя¹², а русские, как и все славяне, ведут свой род именно от новгородцев [Богданов, 2019, с. 253]. Как саркастически отмечает А.П. Богданов, новгородским летописцам XVII века было понятно, что

новгородские «великие словене» — древнейшая и лучшая часть всех славян, ведь они, в отличие от прочих, сохранили родовое имя. Потуги недавно появившихся москвичей вывести предков новгородского князя Рюрика, по случаю призванного словенями и их

¹² Концепция происхождения славян от сына Ноя, Иафета, очень древняя, и отражена уже в «Повести временных лет», которая собственно и начинается с рассказа о разделении земли после всемирного потопа между тремя сыновьями Ноя, в результате которого Иафету достались северные и западные страны. В самом начале своих «Записок неизвестного» рассказчик сообщает, что с поселением в имении его дяди Фомы Фомича Опискина (а про него несколько раз (!) говорится, что, живя ранее у Крахоткина, он изображал собою, «по генеральскому востребованию», «различных зверей», да и сам «на всех зверей похож» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 8, 24, 25]) дом полковника Ростанева «стал похож на Ноев ковчег» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 6]. И это, помимо прочих очевидных значений (вроде перенаселенности ограниченного пространства самыми разнородными существами от *хищников* до *травоядных*, спасающимися от катастрофы, охватившей весь окружающий мир) указывает на то, что обитатели Степанчикова (В.А. Туниманов отмечает, что «узкий круг чудиков и идиотов Степанчикова — небольшой экзотический островок в человеческом море» [Туниманов, 1980, с. 28–29]) живут в совершенно особом времени и пространстве, сохраняя мир и единство *после* крушения старого мира и *до* начала современной истории, когда опять неизбежно произойдет всеобщее разделение. Фантастическое терпение полковника Ростанева (хозяина этого «Ноева ковчега») в этом смысле может объясняться и тем, что по-настоящему из ковчега спасения до определенного момента никого изгнать нельзя, потому что изгнанным будет просто *некуда* пойти, кроме как на верную смерть. Роль ветхозаветного спасителя всего животного мира Ноя, судя по всему, близка и самому полковнику, ибо, по его воспоминаниям, единственный вопрос, который он задал, когда ему однажды довелось принимать экзамен в одном заведении, был такой: «кто был Ной?» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 71].

союзниками, от римского цезаря Августа, вызывали у новгородских летописцев лишь добродушную улыбку. В конце концов, только они на всей Руси хранили традицию общерусского летописания непрерывно, от его начала в XI в., а не с Повести временных лет XII в., да еще с переходом из одного града в другой, как прочие [Богданов, 2019, с. 253].

По мнению А.В. Доронина, «Сказание...», заканчивающее историю новгородской руси (народности, а не государства) там, где Повесть временных лет ее начинается, «выпадает из русской летописной традиции», что однако не сводит этот уникальный источник исключительно к сфере «легендарного сочинительства» и «баснословия» — речь скорее идет об иной исторической парадигме, из которой исходили его создатели [Доронин, 2022, с. 123–124].

В.Н. Татищев (1686–1750) в «Истории Российской с самых древнейших времен», ссылаясь на т. н. Иоакимовскую летопись (по словам историка, летопись, рукопись которой впоследствии была утрачена, принадлежала первому новгородскому епископу Иоакиму Корсунянину, жившему за несколько десятилетий до Нестора Летописца)¹³, упоминает легендарных новгородских (славянских) правителей до варяжского князя Рюрика. Согласно татищевским известиям, потомок Иафета Славян, вместе с братом Скифом, вел многие войны на востоке, идя к западу, и покорил многие земли, и от него-то и произошли славяне. Этот Славян основал великий город Славянск, в котором затем сотни лет правили его дети и внуки. Осо-

¹³ Филолог-славист, профессор Харьковского университета П.А. Лавровский в статье «Исследования о летописи Якимовской» (1856), которую мог читать Достоевский при работе над «Селом Степанчиковым...», пишет, что «летопись Якимову нельзя ставить в ряд очевидных, бесстыдных подлогов» [Лавровский, 1856, с. 78]. Он подробно разбирает разные обвинения Татищева в фальсификации и недостойной ученого-историка доверчивости при публикации сведений Иоакимовской летописи и не находит их убедительными. Церковный историк, архимандрит Макарий (Булгаков) в своей «Истории христианства в России до равноапостольного князя Владимира» (1846) также рассматривает Иоакимовскую летопись как заслуживающую внимания и определенного доверия и не противоречащую другим историческим источникам в ряде отношений [Макарий (Булгаков), архим, 1846, с. 42]. Современный исследователь С.Н. Азбелев также обращает внимание на то, что Татищев привел в своем труде не весь текст присланных ему выписок из этой летописи, а только те фрагменты, которые имели заметное отличие от «Повести временных лет», а потому крайне сложно судить о содержании всей утраченной рукописи в целом [Азбелев, 2007, с. 6].

бой воинственностью из них отличался потомок Славяна, князь Вандал, который разделил могучую державу между тремя сыновьями: Избором, Столпосвятом и Владимиром. Последний, впрочем, через некое время объединил ее под своим единоличным управлением. После смерти Владимира славянской землей поочередно правили его восемь сыновей и внуков, а девятым правителем стал Буривой, которому пришлось тяжело воевать с варягами. Буривою наследовал его сын Гостомysl, который принял власть в Новгороде (Славянске) в период неразрешенного конфликта с варягами. О нем говорится в красках, достойных израильского царя Соломона: «Сей Гостомysl бе муж елико храбр, толико мудр, всем соседом своим страшный, а людем его любим расправы ради и правосудия: сего ради вси окольны чтяху его, и дары и дани дающе, купуя мир от него, многи же князи от далеких стран приходяху морем и землею послушати мудрости, и видети суд его, и просити совета и учения его, яко тем прославися всюду» [Татищев, 1768–1848, кн. 1, ч. 1, с. 33]. Исходя из сведений Иоакимовской летописи, Гостомysl был еще язычником — в поиске наследника он приносит жертвы богам и просит совета у вещунов.

Фома Фомич Опискин, погружившийся в мир легендарной истории древнего Новгорода, мог, в том числе, ориентироваться и на полумифическую фигуру Гостомysла, ибо и сам любил «вмешиваться в управление имением и давать мудрые советы», которые «были ужасны» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 15]. Именно Гостомysl, по Татищеву, потеряв всех сыновей на войне, перед своей кончиной собрал старейшин своей земли и послал к варягам просить от них князя¹⁴. Уже после смерти Гостомysла пришел Рюрик с братьями, разделивший поначалу власть с ними, но вскоре ставший единственным полновластным правителем всей новгородской земли. Иоакимовская летопись подразумевает, что Рюрик был сыном средней дочери Гостомysла, Умилы, и таким образом преемственность ста-

¹⁴ Гостомysl, как «воевода новгородский», призвавший на княжение Рюрика, упоминается (правда, без таких подробностей, как у Татищева) уже в «Сказании и князьях Владимирских» XVI века [Библиотека литературы Древней Руси, 2004–2020, т. 9, с. 282–283]. Имя Гостомysла упомянуто и в Никоновской летописи XVI века [Русская летопись по Никонову списку, 1767, с. 6]. Также «старейшина» Гостомysl, «от роду своего новгородец», фигурирует в качестве князя древнего Новгорода (до прихода Рюрика) в Новгородской Уваровской летописи конца XVI — начала XVII века [Российская летопись по списку Софейскому Великому Новаграда, 1795, с. 2]. Как пишет В.Л. Янин, в летописных сводах XV века сообщается о Гостомysле как о первом новгородском посаднике [Янин, 2003, с. 65–66].

рой династии была все же сохранена. Если взять точкой обратного отсчета 862 год как дату прихода к власти в *державе Гостомысла* Рюрика с братьями, то не трудно вычислить, что в историческом романе Опискина действие, скорее всего, должно было происходить в период восьми безымянных славянских (новгородских) князей, правивших между Владимиром и Буривоем. То есть здесь Фома Фомич был готов предложить свое оригинальное видение эпохи, о которой даже по легендам, сообщаемым Иоакимовской летописью, было практически ничего неизвестно.

В учебнике «Первые основания универсальной истории с сокращенною хронологиєю, в пользу обучающегося российского дворянства» (1762–1768), изданном профессором права и истории Императорского Московского университета Ф.Г. Дильтеем (об этом учебнике см.: [Зарецкий, 2025]), некритически повторяется другая новгородская легенда о том, как еще святой апостол Андрей Первозванный не просто пошел к славянам в великий Новгород, но и обратил их в христианскую веру [Дильтей, 1762–1768, ч. 3, т. 1, с. 281], так что с этой точки зрения действие романа Фомы Фомича вовсе не обязательно относилось к дохристианскому, сплошь языческому периоду новгородской истории.

М.В. Ломоносов в «Древней российской истории от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года» (1766) признает существование города Славенска (Кунигардии) на месте нынешнего Новгорода за многие годы до Рюрика:

Новгородский летописец хотя сначала многими наполнен невероятными вымыслами, однако, никакой не нахожу причины упрямо спорить, чтобы город Славенск никогда не был построен и разорен много прежде Рюрика. Старинные развалины свидетельствуют; Нестор о Новегороде упоминает прежде всех городов российских, и что дважды строен. От северных писателей издревле назывался Кунигардия, то есть (на чудском языке) славный город [Ломоносов, 1766, с. 10].

«Российская история жизни всех древних от самого начала России государей...» (1767–1769) Ф.А. Эмина также повествует о том, что из себя представлял Новгород до прихода варягов:

<...> внешние историки пишут, что на оном месте, где ныне Новгород, был прежде город, называемый Славянск, который был подвластен Киевским наследникам. То заподлинно известно, что сей град был весьма велик, и жители оного во всем свете были славны, так что слыла долгое время сия пословица: *Кто противу Бога и Новаграда?* <...> Уповательно, что в оные времена у непросвещенных людей Новгородская власть первую после Бога почиталась; ибо новгородцы владели разными народами, и ставили около ста тысяч войска, а часто и больше, когда нужда требовала [Эмин, 1767–1769, т. 1, с. 49].

Такое древненовгородское мессианство могло импонировать романисту Опискину, который и сам себя ощущает Божиим посланником. В главе «Изгнание» он в исступлении визжит: «Я на то послан самим Богом, чтоб изобличить весь мир в его пакостях!» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 139].

В «Истории Российской от древнейших времен» (1770–1791) князя М.М. Щербатова сообщается, что Новгород, который, по свидетельству Нестора, также назывался «Украт» и «Немогард», был построен «почти в единое время с Киевом», то есть «около половины пятого века по Рождестве Спасителя», а «именован же был *Новгород*, для отличия от единого прежде построенного города, названного *Славен*, на версту расстоянием от Новагорода, который мором и войною совсем был разорен» [Щербатов, 1770–1791, т. 1, с. 190]. О том, что согласно летописному преданию, Новгород и Киев были основаны в V веке, можно прочесть также в «Российской истории» П.-Ш. Левека [Левек, 1787, с. 60]. Это же положение содержится и в «Истории Российского государства от начала оного до нынешних времен» (2-е изд., 1811) Г. Гакмана: «В половине V-го же столетия одна часть славян, подавшись гораздо далее к северу, поселилась при озере Ильмени и построила Новгород, покорив своей власти обитавший там народ <...>» [Гакман, 1811, с. 8].

В «Примечаниях на историю древней и нынешней России г. Леклерка» (1788) И.Н. Болтина с опорой на Иоакимовскую летопись подробно рассказывается древнее новгородское предание о потомках князя Славена с рядом добавлений. Вот как новгородская история до Рюрика описана у этого историка:

По сказанию Иоакимову, славяне пришли с Дуная с князем своим Славеном, в половине V века, Новгород построили, и, покоров власти своей соседние народы, жить тут стали. Из потомков Славеновых, в Новгороде княживших, знамениты были Вандал и Буривой. У первого было три сына, Избор, Владимир и Столпосвят, коим он каждому по единому городу построил и по их именам назвал. При Буривое варяги весьма усилились, градом великим, то есть старой Ладогой, и прочими овладели, и дань тяжкую на славян, Русь и Чудь возложили. Буривой, побежденный от них и всех своих воев погубивший, ушел в град крепкий Бярмы, нынешний Кексгольм, и там до смерти своей остался. Народ, терпя великое притеснение от варягов, послал к Буривою просить у него сына его Гостомысла, да княжит над ними. Гостомysl, отправленный от отца своего, восприял власть над славянами, не стал платить дани варягам, и, многократно их побеждая, наконец, учинил с ними мир, спокойно подвластными ему народами управляя. Город при море во имя старшего сына своего Выбора построил. Имел он четыре сына и три дочери, но первые все при жизни его или на войнах побиты, или своей смертью померли. Из дочерей его одна была за князем Изборским, от которого родилась Ольга-княгиня; другая была за отцом Руриковым, а третья, за кем была неизвестно [Болтин, 1788, т. 1, с. 59–60].

Как видим, многие авторы не могли удовольствоваться краткими татищевскими известиями о династии князя Славена и добавляли к ним что-то от себя. Особо в их ряду выделяется видный вельможа екатерининского царствования, сенатор, историк и высокопоставленный масон Иван Перфильевич Елагин (1725–1794). Под конец своей яркой и насыщенной жизни он начал сочинять (в возрасте 64 лет) «Опыт повествования о России», вышедший через девять лет после его кончины; и в нем предание о потомках Славена представлено уже едва ли не как самостоятельное художественное произведение¹⁵. Приведем только один рассказ Елагина о «первом герое

¹⁵ Позднее в ответ на такого рода исторические «повествования» Карамзин в предисловии к своей «Истории государства Российского» сформулировал следующий научный принцип: «Как Естественная, так и Гражданская История не терпит вымыслов, изображая, что есть или было, а не что быть *могло*. Но история, говорят, наполнена ложью: скажем лучше, что в ней, как в деле человеческого, бывает примес лжи; однако ж характер истины всегда более или менее сохраняется; и сего довольно для нас, чтобы составить себе общее понятие о людях и деяниях. Тем взыскательнее и строже критика; тем непозволительнее историку, для выгод его

новоградском», победоносном Буриное, отце Гостомысла, поскольку именно эта история наиболее близка, согласно легендарному времени, к замыслу Фомы Опискина о Новгороде VII века:

Итак, прелетев и мы мнимое пространство времен, между Ванда и Буриное протекшее, приступим к повествованию жития сего Буриное, отца Гостомысла, и в нем утвердим корень родословия владетелей российских. Он, по преданию летописей наших, был первый герой новоградский, обладал с отменным могуществом (sic! — *Н.П.*) и счастливые с соседями имел войны. Победа долгое время ему не изменяла, и как будто бы прикованная к его колеснице повсюду была с ним неразлучна. Он расширил славянские пределы, внес оружие в варяги, и великую часть варяго-русских земель присовокупил к областям новоградским; всю Корелию, Бармию тогда зовущуюся, покорил даже до реки Кумени. Если б победоносный Буриной в старости своей мог при толь знаменитых остановиться деяниях, каких бы он и подданные его избежали бедствий! Но как славолубие человеческое беспредельно, так счастье слепо и непостоянно. Быстрые его крыле приносятся то к побеждающим, то к побежденным, и обоих неумеренно ласкает оно и губит; часто ублажает хищников и разоренным угождает, возносит горделивых и смиренных милует. Таково есть свойство того вещества, которое счастье мира сего называется, и его превратность ощутил Буриной, когда не чаял. Стоял он с ополчением под сенью зеленеющих лавров при реке Кумени, как внезапным врагов нападением разбит, побежден, и лишенный всех храбрых своих соподвижников, едва единый бегом мог спастись. Непроходимые по горам тропинки препроводили его во град Бармы, Корелою или как ныне Кексгольмом называемый. Тамо твердость стен, неприступное на двух островах при устье реки Узервы, в Ладожское озеро втекающей, местоположение дали ему надежное убежище. И тамо, с подвластными ему славянами затво-

дарования, обманывать добросовестных читателей, мыслить и говорить за Героев, которые уже давно безмолвствуют в могилах. Что ж остается ему, прикованному, так сказать, к сухим хартиям древности? порядок, ясность, сила, живопись. Он творит из данного вещества: не произведет золота из меди, но должен очистить и медь; должен знать всего цену и свойство; открывать великое, где оно таится, и малому не давать прав великого. Нет предмета столь бедного, чтобы искусство уже не могло в нем озаnamenовать себя приятным для ума образом» [Карамзин, 1998–2009, т. 1, с. 135–136].

ренный, по горделивости духа не мог долго переносить своего рока и умер, о отечестве жалея. Варяги, фины и руссы, вошед между тем в Великий Новгород, им обладали и тяжкую на славян, чудь, эстов и ливов наложили дань [Елагин, 1803, с. 141–143].

Елагинское сочинение проникнуто масонским нравоучением о необходимости каждому знать предел своего величия, не гнаться за пустой славой и уметь смирять свой горделивый дух как в счастливые времена, так и при неблагоприятной перемене судьбы. Елагин пытается сделать образ Буривого максимально живым и одухотворенным, наполняя эмоциями и мельчайшими деталями крайне лаконичные летописные известия о нем; он хочет, чтобы описанная им жизнь полумифического новгородского героя воспринималась как подлинная и во многом поучительная трагедия выдающейся личности, из-за падения которой пострадал и весь народ.

Филолог, профессор русского языка и русской словесности Дерптского университета Г.А. Глинка в сочинении «Древняя религия славян» (1804) также упоминает ряд легендарных новгородских правителей от Славена до Буривого и Гостомысла:

Здесь кажется кстати упомянуть о славянских до Рурика бывших богатырях. Древнейший есть князь *Славен*. Сие имя кажется нарицательное, значащее славянский князь, либо собственное, но данное ему от приобретенной им славы; ибо славяне до него носили свое имя. Дети его, славный *Волхв*, воевавший с народами, обитавшими по берегам реки Волхова, прежде именовавшейся Мутною рекою, и братья его *Волховец* и *Рудоток*. Знаменитый *Буривой*, воевавший с варягами (морскими разбойниками, может быть норманскими, а не русскими). Мудрый *Гостомysl*, его сын, богатырь и законодатель [Глинка, 1804, с. 53].

«Краткая российская история» (1814) П.М. Строева представляет такие сведения о древних новгородцах: «Под сим именем известно самое отдаленнейшее поселение славян, с Дуная пришедших. Они жили при озере Ильмене или Ильмере и по обеим сторонам реки Волхова. Из всех славянских племен, они одни удержали собственное название новгородских славян. Построение Новгорода, равно как Киева и других первобытных городов, скрывается во мраке неизвестности» [Строев, 1814, с. VII]. Последнее выражение

любопытно тем, что напоминает происхождение самого Фомы Фомича, о котором говорится, что «откуда он взялся — покрыто мраком неизвестности» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 7]¹⁶.

Литератор П.И. Сумароков, несколько лет занимавший пост новгородского губернатора (1812–1815), написал в 1815 году «Новгородскую историю», основанную, по его словам, на «собственных наших преданиях, как то: историях, летописях, записках, рукописях» [Сумароков, 1890, с. 7]; и хотя она впервые была опубликована лишь в 1890 году, то есть Достоевский ее читать никак не мог, по ней все же можно составить представление о том, как на вопрос о происхождении Новгорода отвечали сами образованные новгородцы в то время. Сумароков в самом начале своего труда определяет себя как строгого критика всех сомнительных источников: «Я исключу все баснословные, сомнительные времена, или пройду их мимоходом» [Сумароков, 1890, с. 9]. Из этого можно заключить, что приводимые им сведения о появлении Новгорода он сам считает достоверными. А пишет он об этом следующее: «По дошедшим до нас преданиям основание Новаграда должно полагать не позднее III или IV века; Иорнанд, готский историк, как выше сказано, о нем уже упоминает» [Сумароков, 1890, с. 17]. В книге церковного историка, епископа Старорусского, викария Новгородской епархии Евгения (Болховитинова) «Исторические разговоры о древностях Великого Новагорода» (1808) один из участников диалога также заявляет: «Как бы то ни было, но я вижу, что неоспоримо следует положить существование Новагорода Славенского еще до шестого века» [Евгений (Болховитинов), еп., 1808, с. 10].

С.Н. Глинка в первой части своей «Русской истории» (3-е изд., 1823–1825) воспроизводит сообщения из Иоакимовской летописи, дополняя их собственными. Например, он пишет о том периоде, в котором гипотетически происходит действие романа Фомы Опискина (то есть между правлениями легендарных новгородских князей Владимира и Буриvoja), следующее: «По смерти Вандалова сына,

¹⁶ Б.Н. Тихомиров отмечает, что «иронический фразеологизм “покрыто мраком неизвестности” — излюбленное выражение Достоевского, встречающееся также в “Записках из Мертвого дома”, романе “Идиот”, эпистолярном наследии писателя» [Тихомиров, 2024а, с. 364], хотя и указывает (со ссылкой на В.В. Виноградова) в качестве его источника гораздо более поздний учебник «Древней истории» И. Кайданова 1831 года. Судя по всему, Кайданов заимствовал этот оборот из более ранней исторической литературы.

Владимира, и матери его Адвинды неизвестны имена вождей или князей славянских до самого Бүривоя. **Однако о делах тех князей остались следы в старинных песнях, которые можно полагать в число изустных и народных преданий. Дела и имена многих витязей и богатырей дошли до нас в отголосках народных песней. Сердца русские любят славить мужество и добродетель»** [Глинка, 1823–1825, ч. 1, с. 85–86]. Если предположить, что Фома Фомич в поисках всех возможных источников для своего исторического романа о Новгороде VII столетия прислушался к указанию Глинки насчет устных источников и преданий в виде народных песен, то становится понятно его сильное негодование от того, что обитатели Степанчикова (и в частности Фалалей) вместо прославления древних героев и их добродетелей поют про *сукина сына, комаринского мужика*. Сам Фома убежден, что старинная народная песня непременно «взята с истинного события» (в другом месте он также пытается заставить Фалалея увидеть в «комаринской» песне неприглядный «исторический факт» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 67]), о чем он и заявляет полковнику Ростаневу:

— Но, Фома... Да ведь это только песня, Фома...

— Как только песня! И вы не постыдились мне признаться, что знаете эту песню — вы, член благородного общества, отец благодетельных и невинных детей и, вдобавок, полковник! Только песня! Но я уверен, что эта песня взята с истинного события! Только песня! Но какой же порядочный человек может, не сгорев от стыда, признаться, что знает эту песню, что слышал хоть когда-нибудь эту песню? какой? какой? [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 64]

Добавим, что обращение к песням в русских исторических романах и повестях первой половины XIX века было довольно распространено. Поют герои романа Загоскина «Рославлев, или Русские в 1812 году» [Загоскин, 1987, с. 449, 508]. С упоминания «веселых песен», раздающихся в сумрачной глуши, начинается и роман Чуровского «Атаман Буря, или Вольница Заволжская» [Чуровский, 1835, ч. 1, с. 5]. Карамзин в «Марфе Посаднице» прямо указывает на старинные песни как на один из главнейших источников сведений о Марфе, наряду с летописями: «И летописи и старинные песни отдают справедливость великому уму Марфы Борецкой, сей чудной женщины, которая умела овладеть народом и хотела (весьма некта-

ти!) быть Катонем своей республики» [Карамзин, 1998–2009, т. 15, с. 109]. Можно предположить, что и роман Фомы либо объявлял своим источником некоторые песни (действительные или выдуманные), либо включал их в основное действие.

В примечаниях к первому тому «Истории государства Российского» (1818–1829) Н.М. Карамзина также приводятся подробные выдержки из «Сказания о Словене и Русе», касающиеся истории «доисторического» Новгорода. Мы процитируем их наиболее полно, поскольку, во-первых, Карамзин относится к числу наиболее ценимых Достоевским еще с детства историков, а его «Историю...» писатель, по воспоминаниям знавших его людей, знал практически наизусть. Во-вторых, об «истории» Карамзина непосредственно в тексте «Села Степанчикова» упоминает и сам Фома Фомич, а, как отмечает Т.А. Касаткина, «для Достоевского присутствие чужого текста в его тексте — один из основных способов проявления авторской позиции в произведении, где она не может быть выражена прямым способом» [Касаткина, 2024, с. 22]. В-третьих, как мы постараемся показать далее, эти легендарные сведения в карамзинском изложении, возможно, нашли свое отражение и в цитируемой рассказчиком речи Фомы Фомича¹⁷. Итак, Карамзин пишет следующее:

¹⁷ Ранее М.Н. Виролайнен указала на то, что театрализованный уход из Степанчикова, задуманный Опискиным, во многом напоминает описанный Н.М. Карамзиным в его «Истории государства Российского» демонстративный отъезд царя Ивана IV Грозного из Москвы перед введением в стране опричнины [Виролайнен, 2003]. Как справедливо дополняет исследовательницу Б.Н. Тихомиров: «Только если в концепции М.Н. Виролайнен это *Достоевский, автор*, выстраивает указанную кульминационную перипетию романа по “модели”, заимствованной из “Истории...” Карамзина (“сведя историческое событие до масштабов семейной истории”), то, с моей точки зрения, гораздо важнее подчеркнуть, что *сам Фома*, когда тирания его несколько покачнулась, разыгрывает, вернее, пытался разыграть “в миниатюре” гениальную историческую авантюру Грозного с той же целью получения безграничной власти в Степанчикове, что — если оценивать достигнутый результат — он и осуществил (хотя не без известного эстетического и даже физического ущерба). И может быть, несколько пренебрежительное высказывание Опискина об “Истории государства Российского”, которую у Карамзина он ценит ниже “Фрола Силина”, — это намеренный ход Фомы, призванный закамouflировать источник идеи и образа разыгранного им демарша» [Тихомиров, 2024б, с. 485–486]. Как мы пытаемся показать далее, завуалированные обращения Фомы к «Истории государства Российского» Карамзина, по всей видимости, имеют в повести более широкий и глубокий характер.

Древний Летописец не сообщает никаких обстоятельных известий о построении Новагорода: зато находим их множество в сказках, сочинённых большею частью в XVII веке, и внесённых невеждами в летописи. Предлагаем здесь выписку из оных для любопытных: «От правнука Иафеева, Скифа, произошли пять братьев и князей, именем Словен, Рус (самые мудрейшие и храбрые), Болгар, Коман, Истер. Все они жили на берегах Чёрного моря до 3099 году от С. М. В сие время Словен и Рус с народом своим оставили древнюю отчизну, *ходили по странам вселенныя*, обозревали безмолвные пустыни как *орлы быстrokрылатые*, 14 лет искали селения по сердцу своему и наконец пришли к озеру *Мойску*. Тогда *волхвование* открыло им, что сие место должно быть для них отечеством. Словен поселился на реке *Мутной*, основал город *Словенск*, и назвал реку *Мутную Волхов*, проток её *Волховцем* (по имени двух сыновей), другую реку *Шелону*, а озеро Ильмером (в честь жены своей Шелоны и сестры Ильмеры). Старший сын был *лютый чародей*, принимал на себя образ крокодила, **скрывался в реке, топил и пожирал людей, не хотевших обожать его как Перуна**. Он жил в особенном городке на берегу реки, в том месте, которое именуется Перынью, и где язычники поклонялись ему. Они уверяли, что Волхов *сел в боги*; но мы знаем, что бесы утопили его в реке. Над телом злого чародея, волнами изверженном в Перыни, злочестивые отправили тризну и насыпали высокую могилу, которая через три дни провалилась в ад [Карамзин, 1998–2009, т. 1, с. 311].

В «Селе Степанчикове...» Фома Фомич несколько раз говорит о *крокодиле* в весьма странном контексте. В первый раз он пророчествует о мрачном будущем: «Ссылаясь опять на Шекспира, скажу, что будущность представлялась мне как мрачный омут неведомой глубины, на дне которого лежал крокодил» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 148]. Как считают комментаторы ПСС Достоевского, здесь содержится отсылка не к Шекспиру, а к повести Шатобриана «Атала» (1801), в которой индеец Шактас говорит: «Самое ясное сердце походит по виду на источник в саваннах Алашуа; поверхность его кажется чистой и спокойной, но, когда вы всмотритесь в глубину бассейна, — вы заметите там крокодила» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 516]. Однако в другой раз Фома сравнивает с крокодилом, пожирающим людей и одновременно способным дать совет, если его как следует умиловить, непосредственно себя самого: «Или я

крокодил, который бы только сожрал вас, а не дал бы вам полезного совета?» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 148]. Эти его слова можно соотнести с пересказанной Карамзиным легендой о новгородском волхве-крокодиле, который «пожирал людей, не хотевших обожать его как Перуна». Напомним, что Опискин непонятно почему требовал чествовать его как *именинника* в день Ильи-пророка (а последний стал в христианской Руси своего рода заменой языческого бога грома и молнии Перуна [Мармеладов, 1992, с. 3], [Петрухин, 2013]) — вот как эту его странную прихоть пересказывает Бахчеев, обозначая ее как «поднятую историю» (и это, как часто бывает у Достоевского, можно интерпретировать и в чисто бытовом, и в более высоком, символическом смысле):

Что ж бы вы думали, сегодня из-за чего опять **поднял историю**? Завтра Ильи-пророка (господин Бахчеев перекрестился): Илюша, сынок-то дядюшкин, именинник. <...> Егор-то Ильич и сам бы не прочь в такой день погулять и попраздновать, да Фомка претит: «Зачем, дескать, начали заниматься Илюшей? На меня, стало быть, внимания не обращают теперь!» А? каков гусь? восьмилетнему мальчику в тезоименитстве позавидовал! «Так вот нет же, говорит, и я именинник!» Да ведь будет Ильин день, а не Фомин! «Нет, говорит, я тоже в этот день именинник!» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 27].

Именно в Ильин день, сопровождаемый сильной грозой и громом, происходит позорное изгнание, падение в канаву и возвращение Фомы Фомича (об образе и роли Ильи-пророка в этой повести Достоевского см.: [Мармеладов, 1992, с. 30–46]).

В последующем карамзинском пересказе «Сказания о Словене и Русе» речь идет об управлении словенами и русами во время «царя царей» Александра Македонского, который якобы, слыша всеобщие жалобы на жестокость словенских князей Великосана, Асана и Авехасана, написал к ним, как к своим вассалам, особую грамоту которую те повесили в своём капище, уставив праздник в день её написания [Карамзин, 1998–2009, т. 1, с. 311–312]. Фома Фомич также обращается к фигуре Александра Македонского, сокрушаясь, что преклонение перед его могуществом затмевает в глазах людей мысль о добродетели:

Но где тебе понять, где тебе оценить меня! Для вас не существует великих людей, кроме каких-то там Цезарей да Александров Македонских! А что сделали твои Цезари? кого осчастливили? Что сделал твой хваленый Александр Македонский? **Всю землю-то завоевал?** Да ты дай мне такую же фалангу, так и я завоюю, и ты завоюешь, и он завоюет... Зато он убил добродетельного Клита, а я не убивал добродетельного Клита... Мальчишка! прохвост! розог бы дать ему, **а не прославлять во всемирной истории...** [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 159].

Мы не знаем, о каком именно изложении всемирной истории здесь говорит Фома, но, как видим, это вполне может относиться и к занимавшей его легендарной истории Новгорода (Словенска), в которой нашлось место восхвалению «всего света обладателя, и всех иже под солнцем грозного повелителя» [Карамзин, 1998–2009, т. 1, с. 312] Александра Македонского, так и не избавившего словен от жестокости их правителей. Завершая свой рассказ о новгородской легенде XVII века, Карамзин заключает: «И многие верили сим нелепостям! Верили (умалчивая о другом), что на берегах Волхова был у Славян город за 4200 лет до нашего века! Не только в древней Несторовой летописи, но и в самой Никоновской, в самых Хронографах и в Степенной Книге XVI века не упоминается ещё о Словенске: сей вымысел принадлежит, кажется, седьмому-надесять столетию» [Карамзин, 1998–2009, т. 1, с. 313].

И если «сим нелепостям» относительно существования Словенска еще до Рождества Христова во времена Карамзина из просвещенных людей уже почти никто не верил, то в существование Новгорода с III–VI веков, как мы показали ранее, и в первой трети XIX века продолжали верить многие высокообразованные авторы. Полагаем, что приведенных нами примеров достаточно для того, чтобы доказать, что на самом деле Фома Опискин в датировке своего исторического романа о Новгороде *седьмым столетием* опирался на богатую историко-литературную традицию, предполагающую, что Новгород в тот период времени уже существовал. Среди литературных предшественников Опискина, сочинивших художественное произведение с обращением к истории Новгорода до призвания в него варягов, можно выделить В.А. Левшина (1746–1826). Почти вся первая часть его сочинения «Вечерние часы, или Древние сказки славян древлянских» (1787–1788), изданного просветителем-масо-

ном Н.И. Новиковым¹⁸, состоит из описания приключений княжича Вадима, сына древлянского князя Буривого, правившего областью, занимавшей «почти весь север», которая некогда составляла державу великого князя славянского Вандала. В предисловии к «Вечерним часам...», названном «Известие» (этнограф-фольклорист И.П. Сахаров указывает, что его автором был собрат Левшина по Ордену вольных каменщиков и его издатель Николай Иванович Новиков [Русские народные сказки, 1841, с. XLI]), поясняется, что «древлянами» здесь называется одно из племен, ставшее впоследствии частью древних новгородцев: «*Древляне* жили около Ильменя, или Ирмера озера; но надобно думать, что были то не старожилы, а пришельцы славянского отродия, кои по занятии собратиями своими славянами новгородских пределов, подвинулись к русам, и с оными соединились в един народ; ибо и русы были славяне же» [Левшин, 1787–1788, ч. 1, с. 6]. Про князя Буривого сообщается, что тот столицу свою имел в *Хомограде*, который находился «в 30 поприщах от старого Славянска, или Новагорода, при реке Мсте, где ныне село Броница» [Левшин, 1787–1788, ч. 1, с. 10].

Помимо Левшина, из предшествующих Опискину русских писателей к легендарной новгородской древности (до призвания варягов) обращался М.М. Херасков в своей стихотворной повести «Царь, или Спасенный Новгород» (1800), воспевающей монархию. В начале этой «чудесной повести древних дней» [Херасков, 1800, с. 1] рассказывается о том, как престарелый «боярин» Гостомысл, многие годы правящий Новгородом, столкнулся с буйством новгородцев и всеобщим раздором и в итоге, после полученного свыше откровения, послал к варягам (Рюрику и его братьям) гонца за Царем для успокоения Новгорода. Но прежде Гостомысл напоминает новгородцам об их прежних славных правителях:

Мы некогда Князей имели,
Которы Новградом владели
Как пастыри — или отцы <...>
[Херасков, 1800, с. 26]¹⁹.

¹⁸ «Типографическая Компания», выпустившая сборник сказок Левшина, была основана в 1784 году кружком московских масонов во главе с Новиковым [Семенников, 1921, с. 3].

¹⁹ О том, что «Великий Новгород приобьк повиноваться роду славянских князей, из которых Гостомысл есть последний» говорится и в историческом представлении

Важно, что Херасков также сам рассказывает о том, *откуда* настоящие поэты (а «поэтом», как мы помним, в повести «Село Степанчиково...» назван и Опискин) черпают сведения при «воссоздании» легендарной древности, о которой почти ничего неизвестно из материальных книг, доступных всем и каждому:

Раскрылась книга предо мною
Погасших в вечности веков,
С которой смелою рукою.
Снимает Истина покров:
В бессмертной книге сей читаю,
Что я на лире воспеваю,
От бранных что сокрыто глаз;
Что Музам в тайне откровенно,
И видеть тем не запрещено,
Кому не огражден Парнас
[Херасков, 1800, с. 2].

Это признание религиозного поэта в том, что главный источник его творчества имеет глубоко мистический характер, составляющий тайну для тех, чей глаз не настроен на то, чтобы видеть возвышенное, можно соотнести и со взглядом Опискина на искусство, как поприще для избранных. Сам Фома, любящий молиться и читать душепасительные книги, также воспринимает себя как своего рода транслятора Истины. К примеру, рассказчик говорит об Опискине, что тот «серьезно уверил дядю, что ему, Фоме, предстоит величайший подвиг, подвиг, для которого он и на свет призван и к совершению которого понуждает его какой-то человек с крыльями, являющийся ему по ночам, или что-то вроде того. Именно: написать одно глубоко-мысленнейшее сочинение в душепасительном роде, от которого произойдет всеобщее землетрясение и затрещит вся Россия» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 13]. Можно предположить, что являющийся Фоме по ночам «человек с крыльями» относится к тому роду существ, к которому принадлежит и «демон старины», вызванный, по словам Пушкина, толпой подражателей «шотландского чародея»

императрицы Всероссийской Екатерины II «Из жизни Рюрика» [Екатерина II, 1786, с. 5].

Вальтер Скотта [Пушкин, 1977–1979, т. 7, с. 72], ринувшейся писать исторические романы.

В «Славенских вечерах» (1809–1826) В.Т. Нарезного, созданных под влиянием «Поэм Оссиана» Д. Макферсона, воспет легендарный князь Славен, основатель города Славянска на берегах Ильменя: «Возвратился ты с победою на поля наши! Пали многочисленные враги твои, как стада вранов хищных от рьяного удара орла небесного. Не придут более гордые варяги нарушить спокойствие твоего народа. Надменный владыка их, Радимир, лежит окован цепями плена у ног победителя» [Нарежный, 1826, ч. 1, с. 20]. Этот и подобные литературные и исторические источники по мере многолетнего чтения Опискина должны были подпитывать вынашиваемый им замысел о глубокой новгородской древности и причудливо переплавляться в создаваемые его фантазией картины.

Но и среди реальных *современников* вымышленного Опискина были те, кого чрезвычайно интересовала альтернативная история Новгорода, якобы происходившая задолго до даты первого упоминания города в «Повести временных лет», о чем свидетельствует активная деятельность ярославского этнографа, крестьянина Александра Яковлевича Артынова (1813–1896), жившего практически в одно время с героем Достоевского. Согласно собственным воспоминаниям Артынова, написанным по совету историка М.П. Погодина, он еще в 1841 году²⁰, посетив вместе с бурмистром села Угодич Степаном Тихоновым и писарем Алексеем Озеровым сельский архив, находящийся под колокольной Николаевской церкви, обнаружил в нем ряд уникальных памятников старины, в числе которых была и рукопись стольника Алексея Богданова Мусина-Пушкина «От Ноя праотца до великого князя Рюрика» (на ее заглавном листе было написано: «книга о великих князьях русских, отколе произыде корень их»). Как отмечает Артынов, она была «писана в лист кудреватой скорописью XVII в.» [Артынов, 1882, с. 119]. В дальнейшем ярославский краевед собрал выписки из огромного числа якобы реальных старинных рукописей (многие из которых никто, кроме него самого, никогда не видел) и, приправив их народными преданиями и собственной кипучей фантазией, подпитываемой обильным чтением исторических и художественных произведений XVIII–XIX веков,

²⁰ В статье Н.Н. Воронина датой обнаружения этой рукописи (также со ссылкой на воспоминания Артынова) указан 1837 год [Воронин, 1975, с. 176].

создал масштабное литературно-историческое полотно (Н.Н. Воронин пишет, что только в собрании А.А. Титова хранится более 30 рукописей Артынова общим объемом более 19 тысяч страниц [Воронин, 1975, с. 177–178]), заметная часть которого описывала историю легендарного Новгорода (Словенска) и его князей, правивших за много веков до появления на русской земле династии Рюриковичей.

Если обратиться к текстам сказаний о доисторическом Новгороде, созданных или в значительной степени обработанных Артыновым (ученые до сих пор спорят о том, лежат ли в их основе тексты второй половины XVII века, *подделки* начала XIX века или они и вовсе являются всецело плодом воображения самого Артынова, стилизовавшего свои *сказания* под старину²¹), то в них можно прочесть о том, как в VI веке до н. э. новгородский князь Славян завоевал землю Скандинавскую и ходил походом на скифов; как царь Новгородский Вандал (сын Славяна) в V веке до н. э. вновь объединил распавшуюся было на части державу; как князь новгородский Помпей Храбрый в IV веке защитил Новгород от нашествия поморских народов; как князь новгородский Буриной около 800 года дружил и враждовал с ростовским князем Святославом и т. п. [Сказания Великого Новгорода и Ростова Великого, 2019].

В разработке своих сказаний Артынов, очевидно, опирался на «Сказание о Словене и Русе и городе Словенске», татищевские известия (входящие в них выписки из т.н. Иоакимовской летописи), на множество литературных, исторических трудов и устных источников (с юности он любил слушать и записывать различные предания и сказки, которые «исходят из среды гостинодворских приказчиков, господской челяди или крестьян, начитавшихся лубочной псевдоисторической литературы и сочинявших в этом духе и свои “сказания”» [Воронин, 1975, с. 176]). Артынов называет себя «Омиром» (то есть Гомером) Ростова и Угодич [Воронин, 1975, с. 178], тогда как Опискин сравнивает себя с другим легендарным древнегреческим

²¹ Ю.К. Бегунов полагает, что Артынов лишь пересказал «на современный язык тексты фольклорных, сказочных повестей забытой у нас, совершенно угасшей местной культурной традиции второй половины XVII века, авторами которых были малоизвестные писатели Алексей Богданович и Ирина Михайловна Мусины-Пушкины» [Сказания Великого Новгорода и Ростова Великого, 2019, с. 3]. Н.Н. Воронин, напротив, отмечает, что Артынов склонялся к тому направлению, которое занималось «подделкой источников» и что он «не столько собирал местные предания, сколько сочинял их сам, его больше пленяло собственное творчество» [Воронин, 1975, с. 178].

поэтом: «Я, как Орфей, смягчаю здешние нравы, только не песнями, а французским диалектом» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 74].

Н.Н. Воронин отмечает, что в сочинения Артынова было вложено много труда, но он совершенно игнорировал привычную для ученых классификацию источников, считая их равно значимыми, независимо от того, выдерживают ли содержащиеся в них сведения научную критику:

Он работал необычайно капитально. Его огромные фолианты снабжены сотнями примечаний, указателями, ключами и т. п. Но самое страшное для читателя его трудов это то, что Артынов не ощущал и не считал необходимым проводить границу между подлинным источником и догадкой, между правдой и вымыслом (и его любимым эпиграфом было изречение Фаддея Булгарина: «Во всякой правде есть вымысел — во всяком вымысле есть правда», поощрявшее его сочинительскую страсть). Так, в числе источников «ростовской истории» числятся на равных правах и исчезнувшая «летопись на бересте» и якобы записанные со слов сказителей предания, и цитата из исчезнувшей «Летописи П.В. Хлебникова», и Библия, и «Русские сказки издания Иоганна Клаудиуса», и «Шесть русских сказок о знаменитых царях» (1799 г.), и «Древние сказки славян древлянских» (1778 г.), и «Инсквизиция книга» (sic! — Н.П.) и т. д. и т. п. [Воронин, 1975, с. 178–179].

Действительно, для истинно верующего и глубоко погруженного в крестьянскую жизнь Артынова (его воспоминания о юности пестрят рассказами о различных юродивых, святых, колдунах, целителях, кликушах, нечистой силе и т. п.) Библия и русские сказки являлись отнюдь не менее, а гораздо более значимыми источниками для понимания прошлого, чем современные строго научные труды, где нередко присутствие Бога и явления чудесного заменялись т.н. *объективной истиной*. Воронин описывает манеру письма ярославского писателя так, как можно было бы с некоторыми оговорками охарактеризовать речь Опискина и, возможно, его исторические сочинения: «Язык Артынова представляет смесь слащавых оборотов с грубоватой речью крестьянина, порой раешника, ярмарочного балагура, и нарочито книжными, учеными пассажами; этот язык скрывает единообразным покровом и сочиненное Артыновым, и те крупницы подлинных устных и письменных источников, которыми

он, видимо, все же располагал» [Воронин, 1975, с. 179]. Шут-обличитель и «ученый» в одном лице (Бахчеев саркастически говорит о нем: «Мудрец, дескать, я, всех умнее, одного меня и слушай. Я, дескать, ученый» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 25]) Опискин также то апеллирует к науке и книжной учености, то пытается противостоять им, обвиняя их в бездушии и дурости:

Отчего же я всегда счастлив и, несмотря на страдания, доволен, спокоен духом и никому не надоедаю, разве одним дуракам, верхопльсам, *ученым*, которых не щажу и не хочу щадить. Не люблю дураков! И что такое эти ученые? «Человек науки!» — да наука-то выходит у него надувательная штука, а не наука. Ну что *он* давеча говорил? Давайте его сюда! давайте сюда всех ученых! Всё могу опровергнуть; все положения их могу опровергнуть! Я уж не говорю о благородстве души... [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 89–90].

Как показывает анализ текста артыновских сказаний, в них (как и у Опискина) заметно существенное влияние произведений Н.М. Карамзина [Лобакова, 2008, с. 664–667]. Разнообразные выписки не только из сочинений Карамзина, но и Пушкина, Жуковского, Бенедиктова, Востокова и других литераторов, сделанные в 1830-е – 1840-е годы, сохранились среди многочисленных рукописей ярославского краеведа [Воронин, 1975, с. 191].

Мы далеки от мысли считать Александра Артынова прототипом Фомы Опискина, но не можем не отметить целый ряд общих черт этих сочинителей-самоучек, захваченных идеей описать новгородскую старину так, как они ее себе представляли на основе чтения разножанровой литературы. Достоевский здесь, скорее, в очередной раз гениальным образом смог увидеть некий собирательный тип современного героя, наделенного чертами, свойственными разным реальным неординарным людям, имеющими признание в определенных средах: от юродивого Ивана Яковлевича Корейши²² до про-

²² На момент написания и первой публикации «Села Степанчикова...» блаженный Иван Яковлевич Корейша (1783–1861) был еще жив. Вот как с ним сравнивается Опискин автором «Записок неизвестного»: «Мало-помалу он достиг над всей женской половиной генеральского дома удивительного влияния, отчасти похожего на влияния различных иван-яковличей и тому подобных мудрецов и прорицателей, посещаемых в сумасшедших домах иными барынями, из любителейниц. Он читал вслух душеспасительные книги, толковал с красноречивыми слезами о разных

винциальных писателей вроде Александра Яковлевича Артынова. Как он сам писал брату Михаилу 9 мая 1859 года из Семипалатинска о «Селе Степанчикове...» (подразумевая его героев — Фому Опискина и полковника Ростанева): «<...> в романе мало сердечного (то есть страстного элемента, как например в “Дворянском гнезде”), — но в нем есть два огромных **типических характера**, создаваемых и записываемых пять лет, обделанных безукоризненно (по моему мнению), — **характеров вполне русских и плохо до сих пор указанных русской литературой**» [Достоевский, 1972–1990, т. 281, с. 326].

Если пытаться реконструировать замысел исторических романов Фомы Опискина (первого, который был им написан еще в Москве примерно в 1830-е годы, и начала второго, посвященного легендарному Новгороду VII столетия), то выводы, сделанные исследователями сказаний Артынова, могут быть отчасти полезны для понимания особенностей и его творчества, с той поправкой, что Опискин, в отличие от Артынова, заведомо создавал авторские художественные произведения на исторический сюжет, хотя, возможно, и оформленные как переложение на современный язык каким-то образом попавших автору в руки «старинных рукописей», что было расхожим приемом в литературе первой половины XIX века. Как отмечает И.А. Лобакова в статье «Принципы создания легендарного сказания в творчестве А.Я. Артынова» (2008), «литературная форма любого фальсификата исторического источника ориентирована на современные литературные образцы (на уровнях модели поведения героев; системы мотивации; развития сюжета; набора коллизий; стилистического оформления), а содержание с основным кругом проблем (исторических, политических, идеологических) своего времени» [Лобакова, 2008, с. 668].

К сожалению, в отличие от сказаний Артынова, сами тексты произведений Опискина нам неизвестны ни в малейшей степени. Мы не знаем достоверно ни их названий, ни объема, ни структуры, ни имен героев, ни каких-либо деталей сюжета. Первое, что обращает на себя внимание при попытке хоть что-то понять про дебютный «романчик» Фомы 1830-х годов, это то, что все три «весьма похо-

христианских добродетелей; рассказывал свою жизнь и подвиги; ходил к обедне и даже к заутрене, отчасти предсказывал будущее; особенно хорошо умел толковать сны и мастерски осуждал ближнего» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 8].

жих» на него реальных исторических романа посвящены вовсе не древности, а Новой истории России, связанной с правящей династией Романовых: Смутному времени первой четверти XVII века (роман Глухарева²³), эпохе Петра Великого, то есть первой четверти XVIII века (роман Чуровского), и Александровской эпохе²⁴, то есть первой четверти XIX века (роман Загоскина). Обратимся сперва к началу романа Глухарева «Князь Пожарский и нижегородский гражданин Минин, или Освобождение Москвы в 1612 году», чтобы проникнуть в настроение автора. Роман почти сразу начинается с цитаты из «Истории государства Российского» Карамзина: «Развернув нашу Отечественную Историю — эту Священную книгу народов — как сказал покойный Историограф наш Карамзин, кто не найдет в ней неисчерпаемого источника разительных примеров Веры и доблестей гражданских, духа истинно народного, не изменного, преданного к Творцу, к Особе Царя, к Отечеству» [Глухарев, 1840, ч. 1, с. 3–4]. Далее автор продолжает восхвалять монархию и «гигантский дух русских, их твердость характеров, их доблести и любовь к Отечеству» и перечисляет имена наиболее значимых русских правителей до времени начала Смуты, начиная от «первого <...> князя, Варагю-Русса, Рюрика» [Глухарев, 1840, ч. 1, с. 4–5], то есть следует вполне официальной историко-патриотической повестке.

В романе Чуровского «Атаман Буря, или Вольница Заволжская» боярин Данила Петрович Сухин так наставляет своего сына Александра в любви к Богу, отечеству и Государю:

Да будет над тобой благословение Господне, милый сын мой!.. Вот тебе серебряный складень с изображением Святителя, угодника Николая. — Если будешь воином, то поручаю тебя его покровительству, он сильный поборник храбрых и мужественных! — Тяжко мне расставаться с тобой, сын мой, ты единственная опора дряхлого отца и мог бы близ меня быть полезен отечеству также как и в отдалении; но если никакие усилия мои, ни слезы, не могли отвратить разлуки нашей; да будет воля Божия!.. Об одном только прошу тебя, именем покойной твоей матери; именем всего святого для чести дворянина

²³ Роман Глухарева «Князь Пожарский и нижегородский гражданин Минин, или Освобождение Москвы в 1612 году» заканчивается кратким описанием воцарения в 1613 году Михаила Федоровича Романова и первых шести лет его правления.

²⁴ Если мы все же верим рассказчику, что речь идет о романах именно 1830-х годов.

русского будь добродетелен!.. Люби Государя своего, не жалея жизни для дома Царского!.. И *Господь возвеличит тя между сынами Израиля!*.. Велик и преблагословен дом Романовых, помазанников Божиих; велик на земле Государь наш — ПЕТР ВЕЛИКИЙ!.. Сын мой!.. Не посрами имени отца своего [Чуровский, 1835, ч. 1, с. 109–111].

В свою очередь, Загоскин, вынесший имя «Русских» в сами заглавия двух своих первых романов, в начале «Рославлева...» просит при этом читателей «не смеяться над его *патриотизмом*» [Загоскин, 1987, т. 1, с. 288].

Если верить племяннику полковника Ростанева, Сергею Александровичу, то первый роман Фомы должен быть весь проникнут похожим патриотическим и верноподданническим духом и, скорее всего, в нем так же описывались какие-то события российской истории XVII–XIX веков, в ходе которых смелые и чистые сердцем русские герои могли на славу послужить Богу, Отечеству и Государю. Но поскольку первый литературный опыт Фомы потерпел полное фиаско, то спустя более двух десятилетий он начал писать *совсем другой* роман, который вряд ли составлял некую дилогию с первым, как это было у Загоскина. Последний, по собственному признанию,

имел в виду описать русских в две достопамятные исторические эпохи, сходные меж собою, но разделенные двумя столетиями; <...> желал доказать, что хотя наружные формы и физиономия русской нации совершенно изменились, но не изменились вместе с ними: наша непоколебимая верность к престолу, привязанность к вере предков и любовь к родимой стороне [Загоскин, 1987, т. 1, с. 287].

В случае Фомы Фомича существенная дистанция между его первым и последним историческими романами прямо не проговаривается, но подразумевается, ибо если бы они решали похожую художественную задачу, то рассказчик бы об этом не преминул сообщить. Однако в чем именно состоял разрыв Фомы со своим прежним литературным опытом можно только догадываться. Во всяком случае, отнесение времени действия в его историческом романе о Новгороде к VII столетию парадоксальным образом, с одной стороны, подразумевало, что тогда еще не было ни Отечества в современной понимании, ни Царя, ни христианской веры у действующих героев (то есть всего того, что составляло главные провозглашаемые ценности для

исторических романистов 1830-х годов); а, с другой стороны, как мы показали ранее, процитировав целый ряд источников по истории «доисторического» Новгорода, уже в VII веке в Новгороде могли быть и могучее государство, и великие князья (предшественники и предки Рюриковичей), и даже христианство, занесенное туда еще святым апостолом Андреем. Мы, разумеется, не знаем, какой из этих вариантов выбрал Фома, но не находим удивительным, если бы такой автор, как он, сравнивающий себя с «рыцарем средних веков», готовым «пролить до капли» всю свою кровь за честь обиженной девицы [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 149], мог бы написать стилизованный под старину нравоучительный рыцарский роман²⁵. Напомним, что повесть Карамзина «Марфа-Посадница...» построена именно как литературное переложение некоего «старинного манускрипта» с исправлением его «темного и невразумительного слога» (автор повести полагает, что сей манускрипт был написан «одним из знатных новгородцев, переселенных великим князем Иоанном Васильевичем в другие города») [Карамзин, 1998–2009, т. 15, с. 109]. Роман Чуровского «Атаман Буря, или Вольница Заволжская» имеет в своем заголовке уточнение: «Из предания старины». Роман Глухарева «Князь Пожарский и нижегородский гражданин Минин, или Освобождение Москвы в 1612 году» определен автором как «историческое сказание XVII века» и т. д. Возможно, что в замысел Фомы входила подобная же мистификация, и именно поэтому «начало» его романа, не дающее представление о целостном произведении, могло быть не оценено по достоинству обнаружившими опискинские рукописи.

Отметим и то, что подлинными главными героями исторического романа Фомы о Новгороде могли быть вовсе не обязательно правители вроде легендарных князей и витязей из потомства мифического Славена (Словена), но простые поселяне, отличающиеся добрым нравом и выдающимся благочестием, готовые бескорыстно отдать едва ли не последнее нуждающемуся ближнему. И хотя автор «Записок...» язвительно отмечает, что Фома, любивший поговорить с «умным русским мужичком» о хозяйстве, «сам не умел отличить овса от пшеницы»²⁶ [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 15], интерес

²⁵ Е.Ю. Сафронова полагает, что и в самой повести «Село Степанчиково и его обитатели» «очевидны рудименты рыцарского романа, возникшего в Европе в XII в.» [Сафронова, 2021, с. 121].

²⁶ Еще раз заметим, что к подобным крайне субъективным оценкам рассказчика

Опискина к изображению жизни представителей простого народа в литературе несомненен. Вот как Фома отвечает на вопрос, что должны описывать современные литераторы:

Удивляюсь я, Павел Семеныч, — продолжал он, — что ж делают после этого все эти современные литераторы, поэты, ученые, мыслители? Как не обратят они внимания на то, какие песни поет русский народ и под какие песни пляшет русский народ? Что ж делали до сих пор все эти Пушкины, Лермонтовы, Бороздны? Удивляюсь! Народ пляшет комаринского, эту апофеозу пьянства, а они воспевают какие-то незабудочки! Зачем же не напишут они более благонравных песен для народного употребления и не бросят свои незабудочки? Это социальный вопрос! Пусть изобразят они мне мужика, но мужика облагороженного, так сказать, селянина, а не мужика. Пусть изобразят этого сельского мудреца в простоте своей, пожалуй, хоть даже в лаптях — я и на это согласен, — но преисполненного добродетелями, которым — я это смело говорю — может позавидовать даже какой-нибудь слишком прославленный Александр Македонский. Я знаю Русь, и Русь меня знает: потому и говорю это. Пусть изобразят этого мужика, пожалуй, обремененного семейством и сединою, в душевной избе, пожалуй, еще голодного, но довольного, не ропщущего, но благословляющего свою бедность и равнодушного к золоту богача. Пусть сам богач, в умирении души, принесет ему наконец свое золото; пусть даже при этом случае произойдет соединение добродетели мужика с добродетелями его барина и, пожалуй, еще вельможи. Селянин и вельможа, столь разъединенные на ступенях общества, соединятся наконец в добродетелях — это высокая мысль! А то, что мы видим? С одной стороны, незабудочки, а с другой — выскочил из кабака и бежит по улице в растерзанном виде! Ну, что ж, скажите, тут поэтического? чем любоваться? где ум? где грация? где нравственность? Недоумеваю! [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 68].

Таким образом, Фома Фомич относится к той когорте писателей, которые полагают, что при помощи искусства действительную

«Записок...» следует относиться осторожно. Сергей Александрович в этом смысле и про родного дядю говорит, что тот «никогда и ничему не учился» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 15], хотя это не помешало Егору Ильичу Ростаневу дослужиться до чина полковника, недурно управлять имением, тщательнейшее заботиться об образовании своих подопечных и проч.

жизнь не просто отражают во всех ее недостатках, но исправляют и направляют; и что писатели должны предоставлять читателям высокие примеры для их воодушевления и духовного роста. Если всерьез воспринимать и последующее признание Фомы в том, что он сам особенно ценит из опубликованного русскими писателями, то одним из главных образцов для его творчества следует считать рассказ Карамзина «Фрол Силин, благодетельный человек» (1791), который начинается с такого объяснения: «Пусть Virgilius прославляют Августов! Пусть красноречивые льстецы хвалят великодушные знатных! Я хочу хвалить Фрола Силина, простого поселянина, и хвала моя будет состоять в описании дел его, мне известных» [Карамзин, 1998–2009, т. 14, с. 259].

Карамзин называет свой крохотный рассказ «повестью», но Опискин видит в нем «высочайший эпос»: «Скажу вам откровенно, Павел Семеныч, — продолжал он после некоторого молчания, снова обращаясь к Обноскину, — если я и уважаю за что бессмертного Карамзина, то это не за историю, не за “Марфу Посадницу”, не за “Старую и новую Россию”, а именно за то, что он написал “Фрола Силина”: это высокий эпос! это произведение чисто народное и не умрет во веки веков! Высочайший эпос!» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 69–70]. Примечательно, что автор «Фрола Силина» относит своего героя к «добрым гениям человечества» [Карамзин, 1998–2009, т. 14, с. 261]. И точно так же рассказчик «Записок неизвестного» именует в своем заключении прежде называемого им «источником всякого здешнего зла» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 92] Опискина, который устроил под конец «всеобщее счастье» в Степанчикове: «Роман кончен. Любовники соединились, и **гений добра безусловно воцарился в доме, в лице Фомы Фомича**. Тут можно бы сделать очень много приличных объяснений; но, в сущности, все эти объяснения теперь совершенно лишние. Таково, по крайней мере, мое мнение» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 163].

Образ Фомы (впрочем, как и образ рассказчика, автора «Записок неизвестного») весь соткан из противоречий. Так, Опискин превозносит литературного Фрола Силина, но всячески ругает и отравляет жизнь полковника Ростанева, наделенного почти теми же добродетелями, что и герой Карамзина, на что недвусмысленно указывает племянник Сергей: «Да вы, дядюшка, какой-то Фрол Силин, благодетельный человек, как я погляжу» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 36]. Опискин как будто благоговеет перед простотой русского

народа и призывает ценить не величие сильных мира сего, а людскую добродетель, но при этом мучает чистого душой юношу Фалалея, вынося в отношении него убийственный приговор: «Никогда, никогда не разовьете вы эту бессмысленную, простонародную душу во что-нибудь возвышенное, поэтическое» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 62] и т. д. Нет никакой необходимости дополнительно описывать дурные и сомнительные черты характера Фомы Фомича, так как это уже с лихвой сделал сам рассказчик, но важно подчеркнуть, что Опискин всерьез (в меру своего дарования) устремлен душой и умом в возвышенный мир искусства, и что сторона его личности, связанная с сочинением исторических романов, гораздо глубже, чем может показаться, если не быть погруженным в проблематику, которая его по-настоящему занимала.

Список литературы

1. Абраменко, 2017 — *Абраменко В.А.* Образ средневекового Новгорода в общественной мысли России XIX века и значение трудов Н.М. Карамзина в его формировании // Карамзин и его эпоха: материалы Всерос. науч. конф. (Москва, 18–19 октября 2016 г.) / сост. Л.А. Сидорова, В.В. Тихонов; отв. ред. А.Н. Артизов, А.К. Левыкин, Ю.А. Петров. М.: ИРИ РАН, 2017. С. 19–25.
2. Азбелев, 2007 — *Азбелев С.Н.* Устная история в памятниках Новгорода и Новгородской земли. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. 296 с.
3. Азбелев, 2016 — *Азбелев С.Н.* Летописание Великого Новгорода: Летописи XI–XVII веков как памятники культуры и как исторические источники. М.: Русская панорама, СПб.: БЛИЦ, 2016. 280 с.
4. Артынов, 1882 — *Артынов А.Я.* Воспоминания крестьянина села Угодич, Ярославской губернии, Ростовского уезда Александра Артынова / с предисл. А.А. Титова. М.: В Унив. Тип. (М. Катков), 1882. 164 с.
5. Белинский, 1953–1959 — *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953–1959.
6. Библиотека литературы Древней Руси, 2004–2020 — Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. СПб.: Наука, 2004–2020.
7. Богданов, 2019 — *Богданов А.П.* Русь от Новгорода, Новгород от Ноя: новгородский вклад в общерусское летописание XVII в. // *Novogardia*. 2019. № 2. С. 252–279.
8. Вельтман, 1833 — *Вельтман А.Ф.* Кощей Бессмертный. Былина старого времени: в 3 ч. М.: Тип. Августа Семена при Императорской Медико-хирургической академии, 1833.
9. Вельтман, 1835 — *Вельтман А.Ф.* Светославич, вражий питомец. Диво времен Красного Солнца Владимира: в 2 ч. М.: Тип. Н. Степанова, 1835.
10. Виролайнен, 2003 — *Виролайнен М.Н.* Фома Опискин и Иван Грозный // *Прометей*: Сборник материалов международной конференции: Памяти академика Георгия Михайловича Фридлендера (1915–1995), Санкт-Петербург, 28–30 мая 2001 года / отв. ред.: А.В. Архипова, Н.Ф. Буданова. СПб.: Наука, 2003. С. 136–144.

11. Воронин, 1975 — *Воронин Н.Н.* «Сказание о Руси и о вѣчем Олзѣ» в рукописях А.Я. Артынова (К истории литературных подделок начала XIX в.) // Археографический ежегодник за 1974 год / отв. ред. С.О. Шмидт. М.: Наука, 1975. С. 175–198.
12. Гакман, 1811 — *Гакман Г.* История Российского государства от начала оного до нынешних времен, составленная из исторических наставлений Санктпетербургской академии наук адъюнкта Г. Гакмана, до 1786 года, а далее из других достоверных повествователей; собранная Смоленского главного народного училища учителем Н. Е. 2-е изд. Смоленск: При Губернском правлении, 1811. 198 с.
13. Глинка, 1804 — *Глинка Г.А.* Древняя религия славян. Сочинение Григория Глинки, профессора Дерптского университета. Митава: В тип. у И.Ф. Штефенгагена и сына, 1804. 150 с.
14. Глинка, 1823–1825 — *Глинка С.Н.* Русская история: в 14 ч. 3-е изд. М.: В Унив. Тип., 1823–1825.
15. Глухарев, 1840 — *Глухарев И.Н.* Князь Пожарский и нижегородский гражданин Минин, или Освобождение Москвы в 1612 году: Историческое сказание XVII века: в 2 ч. М.: Тип. В. Кирилова, 1840.
16. Дильтей, 1762–1768 — *Дильтей Ф.Г.* Первые основания универсальной истории с сокращенною хронологиею, в пользу обучающегося российского дворянства: в 3 ч. М.: Тип. Московского Императорского Ун-та, 1762–1768.
17. Доронин, 2022 — *Доронин А.В.* «Сказание о Словене и Руссе» — первый нарратив раннемодерной московурской нации: опыт нового прочтения // *Словесность и история.* 2022. № 2. С. 121–152.
18. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
19. Достоевский, 2013– — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 35 т. СПб.: Наука, 2013– (издание продолжается).
20. Евгений (Болховитинов), еп., 1808 — *Евгений (Болховитинов), епископ.* Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. М.: В Губернской тип. у А. Решетникова, 1808. 98 с.
21. Екатерина II, 1786 — *Екатерина II.* Подражание Шакеспиру: Историческое представление без сохранения феатральных обыкновенных правил, из жизни Рюрика. СПб.: При Императорской Академии Наук, 1786. 59 с.
22. Елагин, 1803 — *Елагин И.П.* Опыт повествования о России: в 3 кн. Сочинение Ивана Елагина, начатое на 65-м году от его рождения, лета от Р.Х. 1790, двора его императорского величества обер-гофмейстера. М.: В Унив. тип., 1803.
23. Емельяненко, 2023 — *Емельяненко Г.А.* Концепция древнейшей истории Руси в Сказании о Словене и Русе // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2023. № 4 (94). С. 100–116.
24. Загоскин, 1987 — *Загоскин М.Н.* Сочинения: в 2 т. / сост., коммент. А. Пескова, С. Панова. М.: Худож. лит., 1987.
25. Зарецкий, 2025 — *Зарецкий Ю.П.* Первый учебник истории Московского университета // *Ученые записки Петрозаводского государственного университета.* 2025. Т. 47, № 4. С. 87–94.
26. Зотов, 1844 — *Зотов В.Р.* Новгородцы. Драматическое представление, в IX карти-

нах и пяти действиях, в стихах, с песнями // Репертуар и пантеон. Театральное обозрение, издаваемое В. Межевичем и И. Песоцким. 1844. №. 2. С. 301–412.

27. Карамзин, 1998–2009 — *Карамзин Н.М.* Полн. собр. соч.: в 18 т. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 1998–2009.

28. Касаткина, 2024 — *Касаткина Т.А., Корбелла К., Магарил-Ильяева Т.Г., Подосокорский Н.Н.* Книги в книге. Роль и образ книги в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» / отв. ред. Т.А. Касаткина. М.: ИМЛИ РАН, 2024. 392 с.

29. Лавровский, 1856 — *Лавровский П.А.* Исследования о летописи Якимовской // Ученые записки второго отделения Императорской Академии Наук. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1856. Кн. 2. Вып. 1. Отд. 2. С. 77–160.

30. Левек, 1787 — *Левек П.-Ш.* Российская история, сочиненная из подлинных летописей, из достоверных сочинений и лучших российских историков г. Левеком / пер. с фр. М.: Тип. Компании типографической, 1787. Т. 1. 370 с.

31. Левшин, 1787–1788 — *Левшин В.А.* Вечерние часы, или Древние сказки славян древлянских: в 6 ч. М.: В Тип. Компании Типографической, 1787–1788.

32. Летопись Несторова, 1824 — Летопись Несторова, по древнейшему списку мниха Лаврентия. Издание профессора Тимковского, прерывающееся 1019 годом / напечатано при Обществе истории и древностей российских. М.: В Унив. тип., 1824. VIII, 105 с.

33. Лобакова, 2008 — *Лобакова И.А.* Принципы создания легендарного сказания в творчестве А.Я. Артынова // Труды Отдела древнерусской литературы / отв. ред. Н.В. Понырко. СПб.: Наука, 2008. Т. 58. С. 655–668.

34. Ломоносов, 1766 — *Ломоносов М.В.* Древняя российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года. СПб.: При Императорской Академии Наук, 1766. 140 с.

35. Макарий (Булгаков), архим, 1846 — *Макарий (Булгаков), архим.* История христианства в России до равноапостольного князя Владимира, как введение в историю русской церкви. Сочинение архимандрита Макария, инспектора и профессора богословских наук в С. Петербургской духовной академии. СПб.: Тип. военно-учебных заведений, 1846. 421 с.

36. Мармеладов, 1992 — *Мармеладов Ю.И.* Тайный код Достоевского. Илья-пророк в русской литературе. СПб.: Петровская Академия Наук и Искусств, 1992. 144 с.

37. Нарезный, 1826 — *Нарезный В.Т.* Славенские вечера: в 2 ч. СПб.: Тип. Александра Смирдина, 1826.

38. Отечественные записки, 1859 — Отечественные записки, журнал учено-литературный и политический, издаваемый Андреем Краевским. СПб.: Тип. И.И. Глазунова и комп., 1859. Т. 127. 1285 с.

39. Пенская, 2012 — *Пенская Е.Н.* Русский исторический роман XIX века // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом: коллект. моногр. в честь проф. И.М. Савельевой / отв. ред. А.Н. Дмитриев; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 418–474.

40. Переверзев, 1937 — *Переверзев В.Ф.* У истоков русского реального романа. М.: Гослитиздат, 1937. 144 с.

41. Петрухин, 2013 — *Петрухин В.Я.* Илья-пророк и Перун: книжный вариант «основного мифа» славянской мифологии // Устное и книжное в славянской и еврейской культурной традиции / отв. ред. О.В. Белова. М.: Б. и., 2013. С. 49–54.

42. Погодин, 2015 — *Погодин М.П.* Марфа, Посадница Новгородская / изд. подгот. Л.Г. Фризман, К.В. Бондарь. М.: Наука, 2015. 367 с.
43. Подосокорский, 2024а — *Подосокорский Н.Н.* «История» Н.М. Карамзина в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 3 (27). С. 31–63. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-3-31-63>
44. Подосокорский, 2024б — *Подосокорский Н.Н.* Лакей Смердяков как почитатель Наполеона в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Новый мир. 2024. № 1 (1185). С. 172–183.
45. Подосокорский, 2024в — *Подосокорский Н.Н.* «Русская история» С.М. Соловьева в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 3 (27). С. 64–80. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-3-64-80>
46. Подосокорский, 2025 — *Подосокорский Н.Н.* История в творчестве Ф.М. Достоевского. Как исторические реалии создают в художественных произведениях дополнительный сюжет // Авторские теории творчества / под ред. Т.А. Касаткиной. М.: ИМЛИ РАН, 2025. С. 273–391.
47. Полевой, 1832 — *Полевой Н.А.* Клятва при гробе Господнем. Русская быль XV века: в 4 ч. М.: В Унив. тип., 1832.
48. Пушкин, 1977–1979 — *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 10 т. Л.: Наука, 1977–1979.
49. Ребеккини, 1998 — *Ребеккини Д.* Русские исторические романы 30-х годов XIX века (Библиографический указатель) // Новое литературное обозрение. 1998. № 6. С. 416–433.
50. Российская летопись по списку Софейскому Великому Новаграда, 1795 — Российская летопись по списку Софейскому Великому Новаграда в продолжение издаваемых манускриптов Библиотеки Академии наук по ее повелению. СПб.: При Императорской Академии Наук, 1795. Ч. 1. 370 с.
51. Рукавичникова, 2001 — *Рукавичникова В.В.* История древнего Новгорода в русской литературе XVIII – первой трети XIX века: дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 2001. 191 с.
52. Русская летопись по Никонову списку, 1767 — Русская летопись по Никонову списку. Изданная под смотрением Императорской Академии наук. СПб.: При Императорской Академии Наук, 1767. Ч. 1: До 1094 года. 198, 18 с.
53. Русские народные сказки, 1841 — Русские народные сказки / сост. И. Сахаров. СПб.: Тип. Сахарова, 1841. Ч. 1. CXIX, 274 с.
54. Сафронова, 2021 — *Сафронова Е.Ю.* Вопрос о жанре произведения Ф.М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» // Филология и человек. 2021. № 1. С. 114–133.
55. Семенкин, 2016 — *Семенкин А.К.* Проблема романтического историзма в романе Н.А. Полевого «Клятва при Гробе Господнем»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 24 с.
56. Семенников, 1921 — *Семенников В.П.* Книгоиздательская деятельность Н.И. Новикова и Типографической компании. СПб.: Гос. изд-во, 1921. 152 с.
57. Сказания Великого Новгорода и Ростова Великого, 2019 — Сказания Великого Новгорода и Ростова Великого, записанные А.Я. Артыновым / предисл. Ю.К. Бегунова. М.: Китеж-град, 2019. 488 с.

58. Сорочан, 2000 — *Сорочан А.Ю.* Мотивировка в русском историческом романе 1830–1840-х гг.: дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2000. 175 с.
59. Строев, 1814 — *Строев П.М.* Краткая российская история. В пользу российского юношества. М.: Тип. С. Селивановского, 1814. X, 112 с.
60. Сумароков, 1890 — *Сумароков П.И.* Новгородская история. М.: Унив. тип., 1890. 322 с.
61. Татищев, 1768–1848 — *Татищев В.Н.* История российская с самых древнейших времен. Неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и астраханским губернатором, Васильем Никитичем Татищевым: в 5 кн. М.: Напечатана при Императорском Московском университете, 1768–1848.
62. Тихомиров, 2024а — *Тихомиров Б.Н.* Комментарии // *Достоевский Ф.М.* Село Степанчиково и его обитатели / илл. Б.Л. Непомнящего; коммент. и статья Б.Н. Тихомирова. СПб.: Вита Нова, 2024. С. 361–446.
63. Тихомиров, 2024б — *Тихомиров Б.Н.* От «бедлама» к «всеобщему счастью», или «Мир навыорот» в селе Степанчикове // *Достоевский Ф.М.* Село Степанчиково и его обитатели / илл. Б.Л. Непомнящего; коммент. и статья Б.Н. Тихомирова. СПб.: Вита Нова, 2024. С. 447–489.
64. Туниманов, 1980 — *Туниманов В.А.* Творчество Достоевского, 1854–1862. Л.: Наука, 1980. 293 с.
65. Херасков, 1800 — *Херасков М.М.* Царь, или Спасенный Новгород: Стихотворная повесть. М.: В Унив. тип., у Ридигера и Клаудия, 1800. 246 с.
66. Чуровский, 1835 — *Чуровский А.И.* Атаман Буря, или Вольница Заволжская. Русский роман из преданий старины: в 3 ч. М.: В тип. М. Пономарева, 1835.
67. Щербатов, 1770–1791 — *Щербатов М.М.* История российская от древнейших времен: в 7 т. СПб.: При Императорской Академии наук, 1770–1791.
68. Эмин, 1767–1769 — *Эмин Ф.А.* Российская история жизни всех древних от самого начала России государей, все великие и вечной достойные памяти императора Петра Великого действия, его наследниц и наследников ему последование и описание в Севере златого века во время царствования Екатерины Великой в себе заключающие: в 3 т. СПб.: При Императорской Академии Наук, 1767–1769.
69. Янин, 2003 — *Янин В.Л.* Новгородские посадники. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2003. 512 с.

References

1. Abramenko, V.A. "Obraz srednevekovogo Novgoroda v obshchestvennoi mysli Rossii XIX veka i znachenie trudov N.M. Karamzina v ego formirovanii" ["The Image of Medieval Novgorod in Russian Social Thought and the Meaning of Karamzin's Works for Its Formation"]. Artizov, A.N, et al., eds. *Karamzin i ego epoka: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (Moskva, 18–19 oktiabria 2016 g.)* [*Karamzin and His Time: Proceedings of the Russian Academic Conference held in Moscow, 18–19 Oct. 2016*]. Moscow, IRI RAN Publ., 2017, pp. 19–25. (In Russ.)
2. Azbelev, S.N. *Ustnaia istoriia v pamiatnikakh Novgoroda i Novgorodskoi zemli* [*Oral History in the Monuments of Novgorod and the Novgorod Land*]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin, 2007. 296 p. (In Russ.)

3. Azbelev, S.N. *Letopisanie Velikogo Novgoroda: Letopisi XI–XVII vekov kak pamiatniki kul'tury i kak istoricheskie istochniki* [Chronicle Writing in Great Novgorod: Chronicles of the 11th–17th Centuries as Cultural Monuments and Historical Sources]. Moscow, Russkaia panorama Publ.; St. Petersburg, BLITS Publ., 2016. 280 p. (In Russ.)
4. Artynov, A.Ia. *Vospominaniia krest'ianina sela Ugodich, Iaroslavskoi gubernii, Rostovskogo uезда Aleksandra Artynova* [Memoirs of a Peasant from the Village of Ugodich, Yaroslavl Province, Rostov District, Aleksandr Artynov]. With a foreword by A.A. Titov. Moscow, Universitetskaia Tipografiia (M. Katkov) Publ., 1882. 164 p. (In Russ.)
5. Belinsky, V.G. *Polnoe sobranie sochinenii: v 13 tomakh* [Complete Works: in 13 vols]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR Publ., 1953–1959. (In Russ.)
6. *Biblioteka literatury Drevnei Rusi: v 20 tomakh* [Library of Old Russian Literature: in 20 vols]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2004–2020. (In Russ.)
7. Bogdanov, A.P. “Rus' ot Novgoroda, Novgorod ot Noia: novgorodskii vklad v obshcherusskoe letopisanie XVII v.” [“Rus' from Novgorod, Novgorod from Noah: The Novgorod Contribution to Pan-Russian Chronicle Writing in the 17th Century”]. *Novogardia*, no. 2, 2019, pp. 252–279. (In Russ.)
8. Veltman, A.F. *Koschei Bessmertnyi. Bylina starogo vremeni: v 3 chastei* [Koschei the Deathless. An Epic of Old Times: in 3 parts]. Moscow, Tipografiia Avgusta Semyona pri Imperatorskoi Mediko-khirurgicheskoi akademii Publ., 1833. (In Russ.)
9. Veltman, A.F. *Sviatoslavich, vrazhii pitomets. Divo vremen Krasnogo Solntsa Vladimira: v 2 chastiakh* [Sviatoslavich, the Enemy's Foster Child. A Wonder of the Times of Vladimir the Red Sun: in 2 parts]. Moscow, Tipografiia N. Stepanova Publ., 1835. (In Russ.)
10. Virolainen, M.N. “Foma Opiskin i Ivan Groznyi” [“Foma Opiskin and Ivan the Terrible”]. Arkhipova, A.V., and N.F. Budanova, eds. *Pro memoria: Sbornik materialov mezhdunarodnoi konferentsii: Pamiati akademika Georgiia Mikhailovicha Fridlendera (1915–1995), Sankt-Peterburg, 28–30 maia 2001 goda* [Pro Memoria: Proceedings of the International Conference in Memory of Academician Georgii Mikhailovich Fridlender (1915–1995), St. Petersburg, 28–30 May 2001]. St. Petersburg, Nauka, 2003, pp. 136–144. (In Russ.)
11. Voronin, N.N. “Skazanie o Rusi i o vechem Olze' v rukopisiakh A.Ia. Artynova (K istorii literaturnykh poddelok nachala XIX v.)” [“The Tale of Rus' and the Eternal Oleg in the Manuscripts of A.Ia. Artynov (On the History of Literary Forgeries of the Early 19th Century)”]. Shmidt, S.O., editor. *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1974 god* [Archeographic Yearbook 1974]. Moscow, Nauka Publ., 1975, pp. 175–198. (In Russ.)
12. Gakman, G. *Istoriia Rossiiskogo gosudarstva ot nachala onogo do nyneshnikh vremen, sostavlennaia iz istoricheskikh nastavlenii Sankt-peterburgskoi akademii nauk adiunkta G. Gakmana, do 1786 goda, a dalee iz drugih dostovernykh povestvovatelei; sobrannaia Smolenskogo glavnogo narodnogo uchilishcha uchitelem N.E.* [History of the Russian State from Its Beginning to the Present Times: From the Historical Teaching of G. Gakman, Professor at St. Petersburg Academy of Sciences, up to 786, and of Other Witnesses, Collected by the Teacher N.E. of Smolensk]. 2nd Edition. Smolensk, Pri Gubernskom pravlenii Publ., 1811. 198 p. (In Russ.)
13. Glinka, G.A. *Drevniaia religiia slavian. Sochinenie Grigoriia Glinki, professora Derptsкого университета* [The Ancient Religion of the Slavs. A Work by Grigory Glinka, Professor of the Derpt University]. Mitava, V tipografii u I. F. Shtefengagena i syna Publ., 1804. 150 p. (In Russ.)

14. Glinka, S.N. *Russkaia istoriia: v 14 chastiakh* [Russian History: in 14 parts]. 3rd Edition. Moscow, V Universitetskoi tipografii Publ., 1823–1825. (In Russ.)
15. Glukharev, I.N. *Kniaz' Pozharskii i nizhegorodskii grazhdanin Minin, ili Osvobozhdenie Moskvy v 1612 godu: Istoricheskoe skazanie XVII veka: v 2 chastiakh* [Prince Pozharskii and the Nizhnii Novgorod Citizen Minin, or The Liberation of Moscow in 1612: A Historical Tale of the 17th Century: in two parts]. Moscow, Tipografiia V. Kirilova Publ., 1840. (In Russ.)
16. Dil'tei, F.G. *Pervye osnovaniia universal'noi istorii s sokrashchennoi khronologieiu, v pol'zu obuchaiushchegosia rossiiskogo dvorianstva: v 3 chastiakh* [The First Foundations of Universal History with an Abridged Chronology, for the Benefit of the Russian Nobility in Training]. Moscow, Tipografiia Moskovskogo Imperatorskogo Universiteta Publ., 1762–1768. (In Russ.)
17. Doronin, A.V. “Skazanie o Slovene i Russe’ — pervyi narrativ rannemodernoi moskvorusskoi natsii: opyt novogo prochteniia” [“The Tale of Sloven and Rus’ as the First Narrative of the Early Modern Muscovite-Russian Nation: An Attempt at a New Interpretation”]. *Slovesnost' i istoriia*, no. 2, 2022, pp. 121–152. (In Russ.)
18. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [Complete Works: in 30 vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
19. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 35 tomakh* [Complete Works: in 35 vols]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2013– (publishing in progress). (In Russ.)
20. Evgenii (Bolkhovitinov), bishop. *Istoricheskie razgovory o drevnostiakh Velikogo Novgoroda* [Historical Conversations on the Antiquities of Great Novgorod]. Moscow, V Gubernskoi tipografii u A. Reshetnikova Publ., 1808. 98 p. (In Russ.)
21. Ekaterina II. *Podrazhanie Shakepiru: Istoricheskoe predstavlenie bez sokhraneniia featal'nykh obyknovennykh pravil, iz zhizni Riurika* [An Imitation of Shakespeare: A Historical Performance Without Observing the Usual Theatrical Rules, from the Life of Rurik]. St. Peterburg, Pri Imperatorskoi Akademii Nauk Publ., 1786. 59 p. (In Russ.)
22. Elagin, I.P. *Opyt povestvovaniia o Rossii: v 3 kn. Sochinenie Ivana Elagina, nachatoe na 65-m godu ot ego rozhdeniia, leta ot R.Kh. 1790, dvora ego imperatorskogo velichestva ober-gofmeistera* [An Attempt at a Narrative about Russia: in 3 books. A Work by Ivan Elagin, Begun in the 65th Year of His Life, in the Year of Our Lord 1790, Court Grand Master of His Imperial Majesty's Household]. Moscow, V Universitetskoi tipografii Publ., 1803. (In Russ.)
23. Emel'ianenko, G.A. “Kontseptsiiia drevneishei istorii Rusi v Skazanii o Slovene i Ruse” [The Concept of the Most Ancient History of Rus' in The Tale of Sloven and Rus]. *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki*, no. 4 (94), 2023, pp. 100–116. (In Russ.)
24. Zagoskin, M.N. *Sochineniia: v 2 tomakh* [Works: in 2 vols]. Ed. by A. Peskova, S. Panova. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1987. (In Russ.)
25. Zaretskii, Iu.P. “Pervyi uchebnyk istorii Moskovskogo universiteta” [“The First History Textbook of Moscow University”]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 47, no. 4, 2025, pp. 87–94. (In Russ.)
26. Zotov, V.R. “Novgorodtsy. Dramaticheskoe predstavlenie, v IX kartinakh i piati deistviakh, v stikhakh, s pesniami” [“The Novgorodians: A Dramatic Performance in Nine Scenes and Five Acts, in Verse, with Songs”]. *Repertuar i panteon*, no. 2, 1844, pp. 301–412. (In Russ.)
27. Karamzin, N.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 18 tomakh* [Complete Works: in 18 vols]. Moscow, TERRA – Knizhnyi klub Publ., 1998–2009. (In Russ.)

28. Kasatkina, T.A., Corbella, C., Magaril-Il'iaeva, T.G., Podosokorskii, N.N. *Knigi v knige. Rol' i obraz knigi v romane F.M. Dostoevskogo "Idiot"* [Books in the Book: The Role and Image of the Book in Dostoevsky's Novel The Idiot]. Ed. by T.A. Kasatkina. Moscow, IWL RAS Publ., 2024. 392 p. (In Russ.)
29. Lavrovskii, P.A. *Issledovaniia o letopisi Iakimovskoi* [Research on the Iakim Chronicle], book 2, iss. 1, otd. 2. St. Petersburg, Tip. Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1856, pp. 77–160. (In Russ.)
30. Levesque, Pierre Charles. *Rossiiskaia istoriia, sochinennaia iz podlinnykh letopisei, iz dostovernykh sochinenii i luchshikh rossiiskikh istorikov g. Levekom* [Russian History, Compiled from Authentic Chronicles, Reliable Works, and the Best Russian Historians by Mr. Levesque], vol. 1. Trans. from French. Moscow, Tip. Kompanii tipograficheskoi Publ., 1787. 370 p. (In Russ.)
31. Levshin, V.A. *Vechernie chasy, ili Drevnie skazki slavian drevlianskikh: v 6 chastiakh* [Evening Hours, or Ancient Tales of the Ancient Slavs: in 6 Parts]. Moscow, V Tipografii Kompanii Tipograficheskoi, 1787–1788. (In Russ.)
32. *Letopis' Nestorova, po drevneishemu spisku mnicha Lavrentiia. Izdanie professora Timkovskago, preryvaiushcheesia 1019 godom* [The Nestor Chronicle, According to the Most Ancient Copy by the Monk Lavrentii. The Edition of Professor Timkovsky, Ending in 1019]. Moscow, V Universitetskoi tipografii Publ., 1824. VIII, 105 p. (In Russ.)
33. Lobakova, I.A. "Printsipy sozdaniia legendarnogo skazaniia v tvorchestve A.Ia. Artynova" ["Principles of Creating a Legendary Tale in the Works of A.Ia. Artynov"]. Ponyrko, N.V., editor. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Works by the Department of Ancient Russian Literature], vol. 58. St. Petersburg, Nauka Publ., 2008, pp. 655–668. (In Russ.)
34. Lomonosov, M.V. *Drevniaia rossiiskaia istoriia ot nachala rossiiskogo naroda do konchiny velikogo kniazia Iaroslava Pervogo ili do 1054 goda* [Ancient Russian History from the Beginning of the Russian People to the Death of Grand Prince Yaroslav the First, or until the Year 1054]. St. Petersburg, Pri Imperatorskoi Akademii Nauk Publ., 1766. 140 p. (In Russ.)
35. Makarii (Bulgakov), archim. *Istoriia khristianstva v Rossii do ravnoapostol'nago kniazia Vladimira, kak vvedenie v istoriiu russkoi tserkvi. Sochinenie arkhimandrita Makarii, inspektora i professora bogoslovskikh nauk v S. Peterburgskoi dukhovnoi akademii* [The History of Christianity in Russia up to the Equal-to-the-Apostles Prince Vladimir, as an Introduction to the History of the Russian Church. A Work by Archimandrite Makary, Professor of Theology at St. Petersburg Spiritual Academy]. St. Petersburg, Tip. voenno-uchebnykh zavedenii Publ., 1846. 421 p. (In Russ.)
36. Marmeladov, Iu.I. *Tainyi kod Dostoevskogo. Il'ia-prorok v russkoi literature* [The Secret Code of Dostoevsky. Prophet Elijah in Russian Literature]. St. Petersburg, Petrovskaia Akademiia Nauk i Iskusstv Publ., 1992. 144 p. (In Russ.)
37. Narezhnyi, V.T. *Slavenskie vechera: v 2 chastiakh* [Slavic Evenings: in 2 parts]. St. Petersburg, Tipografiia Aleksandra Smirdina Publ., 1826. (In Russ.)
38. *Otechestvennye zapiski, zhurnal ucheno-literaturnyi i politicheskii, izdavaemyi Andreem Kraevskim* [Notes of the Fatherland, a Scholarly, Literary, and Political Journal, Published by Andrei Kraevsky], vol. 127. St. Petersburg, Tip. I.I. Glazunova i komp. Publ., 1859. 1285 p. (In Russ.)
39. Penskaia, E.N. "Russkii istoricheskii roman XIX veka" ["The Russian Historical Novel of the 19th Century"]. Dmitriev, A.N., editor. *Istoricheskaia kul'tura imperatorskoi Rossii: formirovanie predstavlenii o proshlom: kollektivnaia monografiia v chest' prof. I. M. Savel'evoi* [Historical Culture of Imperial Russia: The Formation of the Image of the Past. A Collective Monograph Dedicated to I.M. Saveleva]. Moscow, Izd. dom Vyshei shkoly ekonomiki Publ., 2012, pp. 418–474. (In Russ.)

40. Pereverzev, V.F. *U istokov russkogo real'nogo romana* [At the Origins of the Russian Realistic Novel]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1937. 144 p. (In Russ.)
41. Petrukhin, V.Ia. "Il'ia-prorok i Perun: knizhnyi variant 'osnovnogo mifa' slavianskoi mifologii" ["Prophet Elijah and Perun: A Literary Version of the 'Basic Myth' of Slavic Mythology"]. Belova, O.V., editor. *Ustnoe i knizhnoe v slavianskoi i evreiskoi kul'turnoi traditsii* [Oral and Writings in Slavic and Ebraic Cultural Traditions]. Moscow, 2013, pp. 49–54. (In Russ.)
42. Pogodin, M.P. *Marfa, Posadnitsa Novgorodskaiia* [Marfa, the Novgorod Posadnitsa]. Text prepared by L.G. Frizman, K.V. Bondar'. Moscow, Nauka Publ., 2015. 367 p. (In Russ.)
43. Podosokorskii, N.N. "Istoriia' N.M. Karamzina v romane F.M. Dostoevskogo 'Idiot'" ["Nikolay Karamzin's History in Fyodor Dostoevsky's Novel *The Idiot*"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 3 (27), 2024, pp. 31–63. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-3-31-63>
44. Podosokorskii, N.N. "Lakei Smerdiakov kak pochitatel' Napoleona v romane F.M. Dostoevskogo 'Brat'ia Karamzovy'" ["Smerdyakov the Footman as an Admirer of Napoleon in Dostoevsky's Novel *The Brothers Karamazov*"]. *Novyi mir*, no. 1 (1185), 2024, pp. 172–183. (In Russ.)
45. Podosokorskii, N.N. "Russkaia istoriia' S.M. Solov'eva v romane F.M. Dostoevskogo 'Idiot'" ["Russian History by Sergey Solovyov in Fyodor Dostoevsky's Novel *The Idiot*"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 3 (27), 2024, pp. 64–80. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-3-64-80>
46. Podosokorskii, N.N. "Istoriia v tvorchestve F.M. Dostoevskogo. Kak istoricheskie realii sozdaiut v khudozhestvennykh proizvedeniiax dopolnitel'nyi suzhet'" ["History in Dostoevsky's Works: How Historical Realities Create an Additional Plot in Literary Works"]. Kasatkina, T.A., editor. *Avtorskie teorii tvorchestva* [Authorial Theories of Art]. Moscow, IWL RAS Publ., 2025, pp. 273–391. (In Russ.)
47. Polevoi, N.A. *Kliatva pri grobe Gospodnem. Russkaia byl' XV veka: v 4 chastiakh* [The Oath at the Tomb of the Lord. A Russian Tale of the 15th Century: in 4 parts]. Moscow, V universitetskoi tip. Publ., 1832. (In Russ.)
48. Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 10 tomakh* [Complete Works: in 10 vols]. Lenin-grad, Nauka Publ., 1977–1979. (In Russ.)
49. Rebecchini, D. "Russkie istoricheskie romany 30-kh godov XIX veka (Bibliograficheskii ukazatel')" ["Russian Historical Novels of 1830s (Bibliography)"]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 6, 1998, pp. 416–433. (In Russ.)
50. *Rossiiskaia letopis' po spisku Sofeiskomu Velikogo Novagrada v prodolzhenie izdavaemykh manuskriptov Biblioteki Akademii nauk po ee povelenuu* [Russian Chronicle According to the Sofeisky List of Great Novgorod, as a Continuation of Manuscripts Published by the Library of the Academy of Sciences by Its Order], part 1. St. Petersburg, Pri Imperatorskoi Akademii Nauk Publ., 1795. 370 p. (In Russ.)
51. Rukavichnikova, V.V. *Istoriia drevnego Novgoroda v russkoi literature XVIII – pervoi treti XIX veka* [The History of Ancient Novgorod in Russian Literature of the 18th – First Third of the 19th Century: PhD Thesis]. Velikii Novgorod, 2001. 191 p. (In Russ.)
52. *Russkaia letopis' po Nikonovu spisku. Izdannaia pod smotreniem Imperatorskoi Akademii nauk* [Russian Chronicle According to the Nikon List. Published Under the Supervision of the Imperial Academy of Sciences], part 1: do 1094 goda [Until 1094]. St. Petersburg, Pri Imperatorskoi Akademii Nauk Publ., 1767. 198, 18 p. (In Russ.)

53. Sakharov, I., editor. *Russkie narodnye skazki* [Russian Folk Tales]. St. Petersburg, Tipografiia Sakharova Publ., 1841. CXIX, 274 p. (In Russ.)
54. Safronova, E.Iu. "Vopros o zhanre proizvedeniia F. M. Dostoevskogo 'Selo Stepanchikovo i ego obitateli'" ["The Question of Genre in Dostoevsky's Work *The Village of Stepanchikovo and Its Inhabitants*"]. *Filologii a chelovek*, no. 1, 2021, pp. 114–133. (In Russ.)
55. Semenkin, A.K. *Problema romanticheskogo istorizma v romane N.A. Polevogo "Kliatva pri Grobe Gospodnem"* [The Problem of Romantic Historicism in N.A. Polevoi's Novel *The Oath at the Tomb of the Lord: PhD Summary*]. Moscow, 2016. 24 p. (In Russ.)
56. Semennikov, V.P. *Knigoizdatel'skaia deiatel'nost' N.I. Novikova i Tipograficheskoi kompanii* [The Publishing Activities of N.I. Novikov and the Typographical Company]. Petersburg, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1921. 152 p. (In Russ.)
57. *Skazaniia Velikogo Novgoroda i Rostova Velikogo, zapisannye A.Ia. Artynovym* [Tales of Great Novgorod and Great Rostov, Recorded by A.Ia. Artynov]. Preface by Iu.K. Begunov. Moscow, Kitezh-grad Publ., 2019. 488 p. (In Russ.)
58. Sorochan, A.Iu. *Motivirovka v russkom istoricheskom romane 1830–1840-kh gg.* [Motivation in the Russian Historical Novel of the 1830s–1840s]. Tver', 2000. 175 p. (In Russ.)
59. Stroev, P.M. *Kratkaia rossiiskaia istoriia. V pol'zu rossiiskogo iunoshestva* [A Brief Russian History. For the Benefit of Russian Youth]. Moscow, Tip. S. Selivanovskogo Publ., 1814. X, 112 p. (In Russ.)
60. Sumarokov, P.I. *Novgorodskaiia istoriia* [The History of Novgorod]. Moscow, Universitetskaiia tipografiia Publ., 1890. 322 p. (In Russ.)
61. Tatishchev, V.N. *Istoriia rossiiskaia s samykh drevneishikh vremen. Neusypnymi trudami cherez tridsat' let sobrannaia i opisannaia pokojnym tainym sovetnikom i astrakhanskim gubernatorom, Vasilem Nikitichem Tatishchevym: v 5 knigakh* [Russian History from the Earliest Times. Collected and Written over Thirty Years of Tireless Work by the Late Privy Councillor and Astrakhan Governor Vasilii Nikitich Tatishchev: in 5 Books]. Moscow, Pri Imperatorskom Moskovskom universitete Publ., 1768–1848. (In Russ.)
62. Tikhomirov, B.N. "Kommentarii" ["Commentary"]. Dostoevskii, F.M. *Selo Stepanchikovo i ego obitateli* [The Village of Stepanchikovo and Its Inhabitants]. Ill. by B.L. Nepomniashchii. Commentary and article by B.N. Tikhomirov. St. Petersburg, Vita Nova Publ., 2024, pp. 361–446. (In Russ.)
63. Tikhomirov, B.N. "Ot 'bedlama' k 'vseobshchemu schast'iu,' ili 'Mir navyvorot' v sele Stepanchikove" ["From 'Bedlam' to 'Universal Happiness,' or 'The World Upside Down' in the Village of Stepanchikovo"]. Dostoevskii, F.M. *Selo Stepanchikovo i ego obitateli* [The Village of Stepanchikovo and Its Inhabitants]. Ill. by B.L. Nepomniashchii. Commentary and article by B.N. Tikhomirov. St. Petersburg, Vita Nova Publ., 2024, pp. 447–489. (In Russ.)
64. Tunimanov, V.A. *Tvorchestvo Dostoevskogo, 1854–1862* [The Works of Dostoevsky, 1854–1862]. Leningrad, Nauka Publ., 1980. 293 p. (In Russ.)
65. Kheraskov, M.M. *Tsar', ili Spasennyi Novgorod: Stikhotvornaia povest'* [The Tsar, or Saved Novgorod: A Tale in Verse]. Moscow, V Universitetskoi tipografii, u Ridigera i Klaudivia Publ., 1800. 246 p. (In Russ.)
66. Churovskii, A.I. *Ataman Buria, ili Vol'nitsa Zavolzhskaia. Russkii roman iz predanii stariny: v 3 chastiakh* [Ataman Storm, or the Volga Free Company. A Russian Novel from Ancient Legends: in 3 parts]. Moscow, V tipografii M. Ponomareva Publ., 1835. (In Russ.)

67. Shcherbatov, M.M. *Istoriia rossiiskaia ot drevneishikh vremen: v 7 tomakh* [Russian History from the Earliest Times: in 7 vols]. St. Petersburg, Pri Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1770–1791. (In Russ.)

68. Emin, F.A. *Rossiiskaia istoriia zhizni vsekh drevnikh ot samogo nachala Rossii gosudarei, vse velikie i vechnoi dostoinye pamiati imperatora Petra Velikogo deistviia, ego naslednits i naslednikov emu posledovanie i opisanie v Severe zlatogo veka vo vremia tsarstvovaniia Ekateriny Velikoi v sebe zakliuchaiushchie: v 3 tomakh* [Russian History of the Lives of All the Ancient Sovereigns of Russia from Its Very Beginning, All the Great Deeds of Emperor Peter the Great Worthy of Eternal Memory, the Succession of His Heiresses and Heirs, and a Description of the Golden Age in the North During the Reign of Catherine the Great: in 3 vols]. St. Petersburg, Pri Imperatorskoi Akademii Nauk Publ., 1767–1769. (In Russ.)

69. Ianin, V.L. *Novgorodskie posadniki* [Novgorod Mayors]. 2nd Edition. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2003. 512 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 01.08.2025

Одобрена после рецензирования: 31.08.2025

Дата публикации: 25.09.2025

The article was submitted: 01 Aug. 2025

Approved after reviewing: 31 Aug. 2025

Date of publication: 25 Sept. 2025